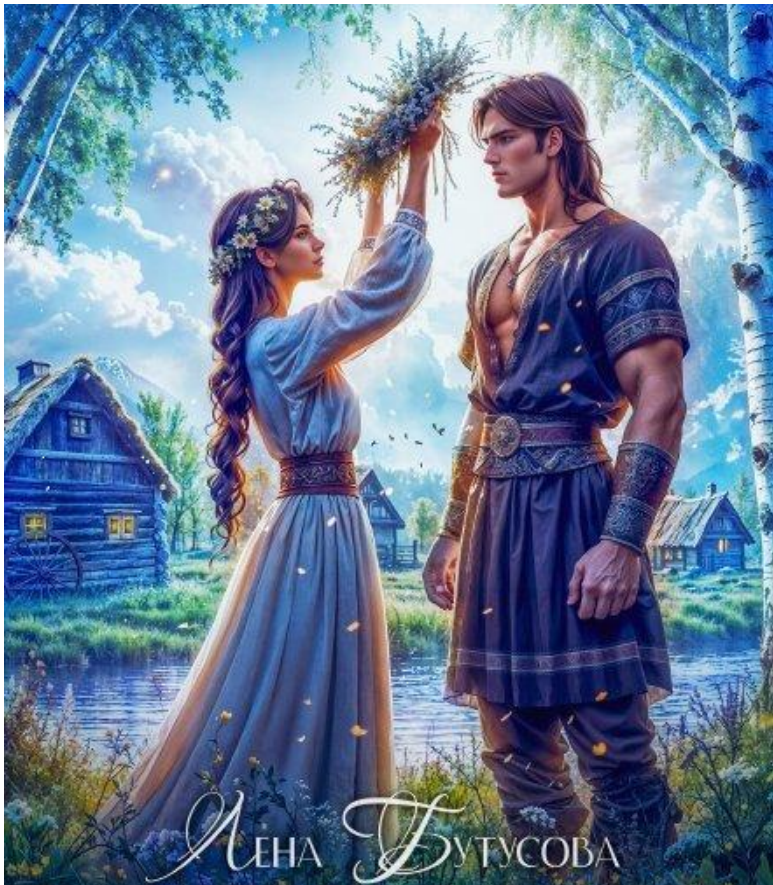

Алена БУТУСОВА

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЁТ ПАПОРОТНИК

Лена Бутусова

Там, где цветёт папоротник

<https://litres.ru/74210627>

Аннотация

♥#БУМАЖНАЯ КНИГА♥# Любомира – ученица деревенской травницы. Ни родителей, ни суженого, все богатство – лишь маленький братец, да домовенок под печкой. В одну из праздничных летних ночей судьба сводит ее с угрюмым охотником, живущим на окраине поселка. Они одновременно прыгают через обрядовый костер и должны теперь провести вместе ночь, но вместо статного молодца Любомире видится в пламени образ страшного зверя, медведя-оборотника... Девушка в страхе бежит прочь, нарушив уговор, а на утренней заре гуси-лебеди уносят из дома ее маленького братца. И никто не отваживается помочь сироте в поисках, кроме того, кому она пообещала отдать свою девичью чистоту.

В книге будут: *строптивая, но талантливая ведьмочка; *сильный герой с большим секретом; *харизматичный Змей Горыныч; *испытание чувств на прочность; *забавная и не очень славянская нечисть

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Студеный Белояр	9
Глава 2. Купальское пламя	24
Глава 3. Уговоры	36
Глава 4. Хозяин леса	53
Глава 5. Медвежье нутро	68
Глава 6. Болотная хмарь. Часть 1	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пролог

Золотистые солнечные лучи падали через отмытые до блеска оконца и переплетались на дощатом полу в замысловатый узор из света и полутеней. Нагретый за день пол щедро отдавал тепло, и маленькое мохнатое существо с удовольствием вытянулось посреди избы, грея пузико на теплом дереве.

В опасной близости от лежащего на полу домового торопливо суежилась юная девушка, высокая и стройная, словно молодая березка, с толстой золотисто-русой косой ниже пояса, перевитой гибкими стеблями озерных трав, и с огромными зелеными глазами в цвет украшавшим волосы листьям.

Любомира очень торопилась, впопыхах прилаживая на голову заранее сплетенный венок из ярко-желтых кубышек и оправляя складки длинной праздничной рубахи, расшитой все теми же желтыми кубышками. Все ее подружки уже давно собрались на берегу и ждали ее, но юная травница, опаздывала. Она сама готовила свои наряды для праздника, и очень волновалась, все ли вышло впору. Не глядя под ноги, она все-таки споткнулась о домовенка:

– Шуршаня, опять ты на дороге разлегся! – голос у девушки был под стать внешности, нежный и мелодичный, словно переливы весенних ручейков.

Мохнатик обиженно засопел, вставая на короткие кривые ножки. Размером домовой был с крупную кошку, такой же шерстяной и ушастый, разве что ходил на двух ногах, и лицо у него было человеческое. Словно у старого дедушки, но только сплошь заросшее короткой темной шерсткой.

– А ты под ноги гляди, торопуля, – он проворчал, накупившись и потирая ушибленный бок.

– Не могу, Шуршаня, миленький, я спешу, – Любомира в последний раз бросила на себя взгляд в зеркальце, – Сам знаешь, какой сегодня день.

И выскочила на улицу.

– Знаю-знаю, – домовой проворчал, глядя вслед убежавшей девушке. – Может, хоть в этом году суженого себе выберешь, привереда...

... Любомира танцевала вместе со всеми. Рядом с ней были Весняна и Стожара, румяные, запыхавшиеся, разлохмаченные, счастливые. Веселая свирель вела их в танце, все быстрее и быстрее. Уже совсем скоро они смогут надеть венок на голову избраннику и увести его за собой в ночную тишь. И пусть купальская ночь коротка, но так ли много времени нужно для любви?

Когда угаснут костры, затихнут свирели и обрядовые песни, серые утренние сумерки огласятся другими песнями, потаенными и бесстыдными, песнями самой жизни. А наутро счастливые парочки разойдутся по домам. И вскоре в посел-

ке будут играть свадьбы. Много свадеб. Нет, не все, кто прыгал через купальский костер, останутся вместе, но таких будет большинство. Так уж сложилось.

Любомира искала глазами Маруна. Не мог же он просто так уйти после того, как зажег купальское пламя? Но нет, охотник был рядом, среди молодцев, задорно отбивая ритм сапогами, а сам все время бросал по сторонам ищущие взгляды. И каждый раз, увидев Любомиру, улыбался.

– Смотри, Любаша, охотник-то глаз с тебя не спускает, – Весняна зашептала на ухо подруге. – Не сглупи, выбирай его. Не прогадаешь.

Любомира судорожно вздохнула и задержала дыхание. Марун и впрямь смотрел только на нее, он свой выбор явно уже сделал. Сердечко Любомиры колотилось, словно птичка в силках. Всего-то и стоит, что прыгнуть навстречу охотнику через костер, и на эту ночь он станет ее парой. И случиться то, чего Любомира так ждала и боялась. А потом... Потом она станет ученицей ведьмы и не сможет хранить верность суженому. Не такова ведьмовская доля. Сумеет ли Марун принять такое?

И Любомира засомневалась. Судорожно выдохнула, чувствуя, как кружится голова. От быстрых танцев, волнения и запаха тлеющих трав. В глазах мутилось совсем как тогда, когда Василина учила ее разговаривать с духами. Тогда старая ведьма тоже поджигала особые травки. Вот и сейчас знакомый сладкий запах струился от купальского костра, путая

мысли.

– Любаша, Марун прыгать собрался, – Весняна одернула подругу за рукав, выводя из транса. – Иди, скорее!

Впрочем, торопиться резона не было. Желающих прыгнуть вместе с угрюмым охотником больше не нашлось. Любомира на ватных ногах шагнула ближе к костру. Еще шаг. И еще. И замерла перед пламенем. И таким оно ей показалось высоким, что она даже испугалась. Как же такое перепрыгнуть? И губы сами собой начали шептать наговор об усмирении огня. Чтоб горел потише да грел поласковее. Только вот от волнения Любомира нашептала что-то не то...

Сквозь языки пламени она видела силуэт мужчины – ладный и статный. Не юнец, но зрелый охотник с широким разворотом плеч, крепкими руками. Видела, как блестят его глаза, и сама таким же блестящим взглядом смотрела на суженого.

Шаг, небольшой разбег... Любомира задержала дыхание и прыгнула первой. Марун бросился ей навстречу... В голове юной ведьмы вдруг стало так звонко и ясно... пелена с глаз упала, и она увидела... что вместо статного молодца через костер перемахнул огромный мохнатый медведь.

Дорогие читатели!

Рада приветствовать Вас в моей новой истории, надеюсь, что она Вам понравится. Как всегда, мы с Музом будем очень благодарны за Ваши лайки и комментарии.

В книге будут:

**строптивая, но талантливая ведьмочка;*

**сильный герой с большим секретом;*

**харизматичный Змей Горыныч;*

**испытание чувств на прочность;*

**забавная и не очень славянская нечисть*

Глава 1. Студеный Белояр

Накануне перед праздником...

Сминая босыми пятками шелковистую траву, Любомира мчалась к берегу озера. У мостков ее уже ждала звонкая стайка девушек, красивых и нарядных. Они без умолку щебетали, возбужденные предстоящим празднеством.

– Любомира! Давай скорее, тебя только ждем! – статная пышногрудая девица в рубахе из белоснежного льна, расшитой ярко-алыми маками, помахала рукой травнице. Губки у девушки были под стать украшавшим одежду лепесткам цветов, красные и сочные, на щеках играл румянец. Про таких старшие говорили «кровь с молоком» – невеста-загляденье.

Сама Любомира тоже была хороша, но скорее как нежная весенняя березка. Такая же стройная и с невероятными зелеными глазами в цвет молодой листве. Добежав до подружек, она застыла, едва переводя дыхание:

– Весняна! – она кивнула подруге. – Куда идем купаться? – девушка оглядела мостки, украшенные свежими цветами и зелеными ветками.

– Да, прямо здесь и будем! – Весняна заговорщически подмигнула.

– Здесь? – Любомира растерянно оглядела берег. – Так увидит же кто...

– А, и пусть смотрит. Для того же и купаемся! Мне пря-

тать нечего! — с этими словами яркая красавица скинула через голову свою нарядную рубаху и с довольным визгом кинулась в озеро.

Хоть на дворе и стояла середина лета, вода в Белояре была холодной. Бьющие со дна ключи приносили ледяные струи из-под земли, делая воду в озере невероятно вкусной и наделяя целебными свойствами. Каждый год в канун купальской ночи юные девицы купались в студеной волне Белояра. Умывались его колдовской водой, чтобы стать краше да силу женскую в себе пробудить. Ну, и знамо дело покрасоваться перед молодцами, которые, несмотря на показное ворчание старших, ходили подглядывать за юными купальщицами. А потом, в чародейскую ночь, среди тех молодцев, кто подглядывал за девичьим обрядом омовения, девчата ворожили своего суженого. И не мог уже парень отказать той девице, которая выберет его в эту ночь своим нареченным.

Уже третий год Любомира, как и все ее подружки, окуналась в Белояр. Как все они, нарядная, водила хороводы на холме после заката солнца. Но ни в прошлый, ни в позапрошлый раз ей так и не довелось прыгнуть через обрядовый костер. В первый раз девчат оказалось на одну больше, чем молодцев, и скромная Любомира осталась в стороне. А в прошлом году не к месту разразившаяся гроза разогнала всех празднующих, потушив купальские костры. Кому-то, впрочем, это не помешало шуршать по кустам до самого рассвета, но Любомира так и осталась без пары.

И в эту ночь у нее был последний шанс найти суженого.

Не пристало ученице деревенской ведьмы ходить в девках, ей женскую силу растить надобно. А как ее растить, коли молодца еще ни разу не касалась?

Остальные девушки, чуть помявшись, тоже поскидывали наряды и веселой гурьбой побежали купаться голышом. Любомира сомневалась дольше других. Зорким глазом окинула окрестности – нет ли подглядывающих. На холме, среди молодых сосенок, ей почудилась мужская фигура.

– Любомира! Ныряй к нам! Водица – огонь! – позвала вторая подруга, Стожара. С синими глазами, с ярко-рыжими волосами, которые она тщательно выпрямляла, сплетая в косу. Но непокорные локоны все равно выбивались озорными колечками из прически, делая ее круглое личико веселым и лукавым.

И Любомира решилась. Стянула через голову рубаху, покосилась на сосенки... и, все-таки увидев там мужчину, с веселым визгом плюхнулась в воду.

– Подглядывают за нами, Весняна, – Любомира, отфыркиваясь, подплыла к подружке.

– Да, и пусть. Не запрещается ведь, – та игриво повела круглым плечом. – Это Марун, поселковый охотник.

– Марун? – Любомира пригляделась. – Точно, знаю его. Он мне частенько травки интересные с болота носит. Самой-то мне туда не дойти, а он, видать, хорошо лес знает.

– Травки? – Весняна звонко рассмеялась. – Да, он с тебя

глаз не сводит. Куда только смотришь, Любаша?

Любомира присела глубже в воду, по самый подбородок, и покосилась на рожицу. Мужчина, не скрываясь, следил за купающимися девушками. Он был высок и статен, с темно-русыми отливавшими золотом волосами и такого же цвета бородкой. Не в пример многим поселковым мужикам, отращивавшим бороду лопатой, Марун следил за растительностью на лице. Его борода, всегда подстриженная, имела аккуратный и ухоженный вид. Когда охотник приносил ей травы, Любомира не раз ловила себя на желании коснуться кудрявой бороды Маруна, но по понятным причинам сдерживалась.

– Мужик-то видный, – поддакнула Стожара, и Любомира неожиданно для самой себя зарделась, как наливное яблочко, опустившись в воду еще глубже, по самые уши:

– Только живет бобылем в лесу и угрюм, что еловый пень, – проворчала с показным недовольством. – Да, и старый он.

– Не старый, а оперившийся, – Весняна наставляла подругу, словно она была старшей в их паре, хотя на самом деле была на два года моложе Любомиры. – Ты вон, тоже почти что перезрела. На кой тебе юнец желторотый? У тебя бати-то нет, дом кому-то надо держать. Одна, поди, умаялась братца на горбу тащить?

Любомира только вздохнула, смерив подругу сердитым взглядом. Но Весняна была права. После смерти родителей Любомире нелегко было одной. Она потому и подалась в

ученицы к деревенской травнице. Та всегда могла прикормить в голодный год, да и мудрости житейской ее учила.

– Говорят, супружницу у него лютый зверь загрыз, вот с тех пор он бобылем и живет в лесу, – еще одна девица, русоволосая Ярославка, подплыла к болтающим подружкам, косясь любопытным серым глазом на статного молодца.

Поняв, что его присутствие окончательно обнаружено, Марун решил спуститься с холма на мостки. С показным визгом, девчата попрятались в воду, хотя каждой из них льстило мужское внимание.

Самой смелой, как водится, оказалась Весняна. Она первой заговорила с подошедшим охотником:

– Чего смотришь, глаз не оторвешь, Марун Северный Ветер?

– Выбираю, которая из вас краше, – мужчина чуть усмехнулся, перебирая взглядом девчат и остановив его на Любомире.

– Так как же ты выберешь, коли мы все в воде сидим? – Весняна продолжала любезничать. – Давай, мы, что ли, покрасуемся перед тобой?

И попыталась встать.

– Весняна! – Любомира в ужасе схватила подругу за плечи, удерживая в ее воде, и сама ненароком приподнялась чуть выше, чем следовало, явив на всеобщее обозрение белоснежную нежную грудь.

При виде девичьих прелестей охотник хмыкнул и сму-

ценно отвернулся, а девочки разразились заливистым смехом. Красная, словно маки с рубахи Весняны, Любомира снова окунулась в воду.

– Смотрите, не застудитесь, лебедушки, – не поворачиваясь, охотник заторопился прочь.

– Ты вечером-то к костру придешь? – Весняна кричала ему вслед. – Мы будем ждать тебя, Марун-охотник.

Ничего не ответив, Марун скрылся в прибрежных зарослях.

Со смехом и веселой болтовней девушки выбрались из озера. Любомира задержалась дольше других, внимательно осматривая окрестности, не остался ли где Марун подглядывать. Но охотник ушел совсем. И Любомира неожиданно для себя самой расстроилась.

– Любаша, не окоченела там еще? – Весняна окликнула подругу. – Вылезай, водица студеная, а тебе еще деток рожать.

– От Маруна! – Стожара пошутила, и все девицы прыснули. Вроде смеялись по-доброму, но Любомира все равно обиделась. Они еще сватать ее взялись! Сама решит, с кем и когда ей обручаться!

Однако пальцы на ногах и впрямь застыли от холода. Любомира вышла из воды и принялась торопливо обтираться жестким полотенцем.

– Да, не спеши ты так, – Стожара все не унималась. – Ни-

куда теперь Марун от тебя не денется. Главное, чтобы грозы не случилось, как в прошлом году. А то зальет костер, опять в девицах останешься, — она хихикнула своей злой шутке, и Любомира только фыркнула.

— Бросьте ссориться, девчат, — Весняна взялась мирить подружек. — А ты не болтай попусту, Стожара. Не ровен час, и вправду дождь накличешь. Смотрите, как восток ярится.

Девушка махнула рукой, указывая на висящие над лесом грозовые тучи. Подсвеченные лучами закатного солнца, они смотрелись, словно непромытая сизая кудель на прялке неряшливой хозяйки. Тяжелые, напитанные густой влагой, как груди кормилицы.

В темно-сизых недрах облаков мелькнула быстрая молния, и Любомира вздрогнула. Закусила губу. В воздухе действительно чувствовалась влага и тот особый свежий запах, что витает перед грозой. Если и в эту ночь дождь помешает им жечь обрядовые костры, то Любомира так и останется в девицах. И тогда о ведьмовском ремесле можно будет позабыть. Да, и замуж ее никто уже не возьмет, такую старую девицу.

Разве что Марун-охотник.

Любомира вздохнула. Почему-то эта мысль не приносила досады, наоборот. Она, наверно, была бы даже рада, если бы их обоюдный выбор пал друг на дружку. И пусть эти пигалицы смеются над ней. Просто они завидуют. Марун был сильный и опрятный. И охотник умелый, к нему за дичью да

за редкими шкурками целая очередь выстраивалась. Просто так и не купишь, только по особой договоренности. И шкурки все, как на подбор, гладкие, лоснящиеся. Где он только таких зверей находил?

А ей вот травки за просто так приносил. И ни разу оплаты не спросил, все только рукой махал да улыбался потихоньку себе в бороду.

В этот момент небо расколол далекий низкий рокот – громовые раскаты прокатились от края до края, словно груженная телега, и затихли где-то вдали, рассыпавшись мелкими одиночными ударами.

Девчата разом втянули головы в плечи и затравленно переглянулись.

– Гневается Батюшко, опять грозу не ко времени чародеит, – Ярослава пробормотала, осеняя себя охранным знаком.

– Да уж, не время еще для гроз, – Весняна нахмурилась. – Любомира, ты бы поспрошала Василину, за что осерчал на нас Батюшко? – она повернулась к ученице ведьмы. – Или вдруг неможется ему? – от неожиданной догадки Весняна аж рот приоткрыла.

– Скажешь тоже, подруга, – Стожара скривила губки, пытаясь высушить полотенцем свою непослушную рыжую копну. – Батюшко да занемог. Не бывает такого.

– А ну как бывает? – девушки принялись задорно спорить, а Любомира только глаза подвела. Не в первый раз.

А между тем начал накрапывать дождик, мелкий и теп-

лый, но так не ко времени зарядивший.

– Идем, девчат, – Любомира остановила препирающихся подруг, – помочь надобно костры разжечь. А то и впрямь останемся без купальской ночи.

И первая направилась к холму-огневику.

На холме уже вовсю кипела работа. Младшие помогали укладывать костры. Потом, когда начнется таинство, их всех повыгонят с огневика, но пока что бойкие девчонки и мальчишки сновали туда-сюда с охапками хвороста и вениками зеленых свежесрезанных веток, путаясь под ногами у взрослых. Старшие тоже помогали устраивать праздник, где советами, а где и своевременными оплеухами. Позже старики сами уйдут с холма, хотя их никто гнать не станет. Но купальская ночь – это время молодой жизни, и в эту ночь считалось зазорным мешать молодым куролесить и любовничать.

– Эй, Могута, ты готов через костер сегодня прыгать? – Весняна, завидев среди парней знакомую рослую фигуру, замахала рукой.

– С тобой, краса моя, хоть сто раз через сто костров, – красивый широкоплечий парень распрямился над центральным кострищем, молодцевато уперев руки в бока и вперив сияющий взгляд в Весняну.

– Ой, ты хоть один-то разок осиль! – девчата вокруг Весняны захохотали, с визгом рассыпавшись в разные стороны, когда Могута показательно сердито затопал на них ногами:

– Ах вы, трещотки!

Любомира вздохнула с улыбкой, глядя, как Могута и Весняна ласково увиваются друг подле друга, уже никого особенно не стесняясь. Наверно, если бы не старшие на холме, они бы вовсе не стали дожидаться ночи. Зачем им обрядовый костер, ежели и без него все ясно? Хоть сейчас прыгнут через колдовское пламя, взявшись за руки. И будут жить потом долго и счастливо, детишек рожать да нежить друг дружку. Любаша снова вздохнула, но уже с грустинкой. Она, в отличие от Весняны, еще не знала, с кем будет прыгать через костер. Все надеялась, что духи мудрых предков подскажут ей, как поступить.

Или знала?

Девушка принялась стрелять глазами по сторонам, отыскивая Маруна, но охотника видно не было. Она закусила губу. Что если он решит не приходить сегодня на холм? Зачем ему еще одна суженая? У него уже была одна, да вот ведь не уберег ее...

– Ой, Любаша, а где твой венок? – оторвавшись от милого друга, Весняна посмотрела на подругу и только руками всплеснула.

Любомира вскинула руки к голове – на волосах остались лишь стебли озерных трав да мокрые листья – венка не было.

– Наверно, в озеро упустила, когда купалась, – ученица ведьмы скорбно нахмурила бровки, устремив ищущий взгляд на Белояр, будто могла теперь на озерной глади отыс-

кать потерянный убор. А ведь она три вечера подряд его плела. Все, как положено, с присказками и наговорами, все, как Василина ее учила. И вот теперь, с таким трудом сделанное украшение, которым в эту ночь она должна была бы одарить своего избранника, уплыло куда-то в озерные дали.

– А зачем тебе венок, Любомира? – слышавший разговор Могута усмехнулся, смерив снисходительным взглядом тонкую фигурку девушки. Его суженая была не в пример сочнее да справнее. – Таким, как ты, через костер прыгать не надобно.

Любомира аж задохнулась от возмущения. Уперла руки в бока, зафырчала на обидчика, словно самовар, но ответить не успела. За нее вступилась сама Весняна:

– Помолчал бы ты, добрый молодец, а то глядишь, и тебе сегодня через костер прыгать не доведется. – Снова повернулась к загрустившей подруге, – Не горюй. Хочешь, помогу тебе новый сплести?

Любомира только головой покачала:

– Да, разве ж купальский венок так запросто сплетишь?

– Тоже верно, – Весняна вздохнула. – А хочешь, возьми мой! – она сорвала с головы венок из белых речных лилий и протянула подруге.

– Эй, ты чего удумала, Весняна? – Могута переполошился, протянул руку к венку, но Весняна ловко отскочила от юноши.

– А чего надо, того и удумала. Ты вон глупости городишь,

дырка тебе от бублика, а не мой веночек. А Любомире нужнее.

Могута насупился, исподлобья глядя то на суженую, то на Любомиру, ставшую виновницей их размолвки. Ученица ведьмы попятилась:

– Нет, Весняна, не возьму. Оставь себе. Видно, доля моя такая.

– И то верно, выше головы не прыгнешь, – Могута снова скривил губы. Не терпел он Любомиру. Верно, за то, что отказала ему еще два года назад. А может потому, что вступиться за нее некому было – ни отца, ни старшего брата. – Идем, Весняна, я в этот раз купальский костер разжигаю, негоже хозяевам праздника опаздывать.

И, схватив подругу за руку, юноша бегом потащил ее за собой на холм, словно бы невзначай толкнув Любомиру в сторону.

– Тоже мне, хозяин нашелся, – девушка только обиженно фыркнула, и не спеша направилась к центральному кострищу. Там уже собирались юноши и девушки, которые готовились в эту ночь пройти обряд посвящения во взрослую жизнь. Да и вообще вся молодежь, желающая весело покутить в самую короткую ночь в году.

Смерклось очень быстро, хоть на дворе было время коротких светлых ночей. Но приползшая с востока туча плотно закрыла небосвод, отчего казалось, что царит глубокая ночь. Дождь капал все настойчивее, но теперь Любомира уже не боялась грозы. Теперь ей не было разницы, разгорится ку-

пальский костер или нет. Нет венка – нет пары. Никто не будет прыгать с ней через костер без венка. Разве что...

– Эдак у тебя до утра костер не разгорится, – от центрального кострища послышался спокойный низкий голос охотника Маруна. – Дай, подсоблю.

– Не учи меня, одинец, как очаг разжигать! – ему ответил Могута, уже далеко не так спокойно.

Марун пожал широкими плечами и отступил в сторону, а Могута, считавшийся главным поселковым удальцом и умельцем, продолжал пыжиться над костром. Вот только усиливающийся дождь мешал ему, и как Могута ни прятал огонек в ладонях, тот быстро чах и не желал разгораться.

– Не так могуч наш Могута, как про него девки по околицам сплетничают? – возле мокнущих под дождем дров, словно из ниоткуда, появилась Василина, деревенская травница. Хотя многие за глаза называли ее попросту ведьмой. Высокая и сухая, с длинными белоснежными волосами, заплетенными в две толстенные косицы.

– Ты бы не каркала под руку, карга старая, а помогла бы лучше, – Могута огрызнулся непочтительно, и по стоящей вокруг толпе прошли испуганные шепотки и вздохи. Грубить деревенской ведьме мог либо очень смелый, либо очень глупый человек.

– А ты не дерзи мне, добрый молодец, – Василина строго прищурилась. – Хотя, не очень-то ты добр, как я погляжу. Тебе предлагали помощь, токмо ты отказался.

Могута бросил колючий взгляд на охотника. Марун стоял, скрестив руки, наклонив голову к груди, и исподлобья следил за его потугами.

– Ну, на, разжигай! – Могута в сердцах сунул в руки Маруну камень и огниво. – Погляжу, как у тебя искра разгорится под таким дождем!

И тряхнув мокрой копной светло-русых волос, Могута попытлся, снова едва не сбив Любомиру:

– Опять ты здесь мешаешься? – он процедил сквозь зубы. – Зачем только пришла? Все равно не видать тебе суженого.

– Не твое дело. Захотела и пришла, – Любомира огрызнулась в ответ. На душе и без того кошки скребли, еще только препираться с главным поселковым красавчиком ей не доставало.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Любомира подняла глаза. Деревенская травница улыбалась ей, заговорщически и по-доброму:

– Кажется, ты кое-что позабыла, девочка моя, – она протянула девушке венок из ярко-желтых кубышек.

– Ой, баба, мой венок! – Любомира всплеснула руками и бросилась к травнице. – Где же ты его нашла?

– А разве он терялся? – Василина только плечами пожала. – Такие вещи не теряются, – и очень многозначительно посмотрела в спину Маруна, склонившегося над костром.

Мгновения тянулись, дождь крепчал, и даже в руках умелого охотника огонь не желал разгораться. Он ярко вспыхи-

вал, казалось, вот-вот зайдется пламя, но каждый раз порыв ветра приносил пригоршню дождевой воды, швыряя ее на дрова, словно нарочно гася огонь.

Любомира с надеждой покосилась на наставницу – ей вдруг почудилось тихое бормотание с ее стороны. И вправду губы той едва заметно шевелились. Почувствовав ее взгляд, Василина снова хитро улыбнулась, и в этот момент под пальцами Маруна вспыхнуло пламя, сильное и уверенное.

Марун выпрямился, с высоты своего роста оглядев притихшую молодежь:

– Ну что, молодняк, приуныли? Будет у вас сегодня праздник. Айда хороводы водить!

Глава 2. Купальское пламя

Костер быстро занялся, широкий, но невысокий. Аккурат такой, чтоб прыгать через него сподручно было. Веселые языки пламени быстро разогнали хмарь, высушили воглую одежду. Народ заулыбался, разрумянился подле костра. Заиграли свирели, кто-то запел, и многие подхватили задорный мотив. И хоть дождик продолжал моросить, мелко и по-осеннему, настроение стало праздничное. Поначалу юноши и девушки встали в два хоровода и принялись кружить подле костра. Девицы – во внутреннем круге лицами к огню, молодцы – в наружном – лицами к окружающей темноте. Они пели хором, по очереди, парни и девчата. Девушки заклинали огонь, чтоб был смирнее в домашнем очаге, юноши отпугивали от подруг злых духов ночи.

И ни один злой дух не смел подойти к купальскому костру!

Хороводы кружились все быстрее. Вот, юноши перемешались с девушками, и теперь они танцевали все вместе, взявшись за руки. Они вертелись и подпрыгивали, взмахивали руками, словно пытаясь взлететь в темное небо. Девушки распускали по ветру длинные косы, изгибали станы, ворожа и колдуя своими телами, призывая особую заветную магию. Юноши тянулись к ним, пытаясь поймать молодых красавиц, но те ловко ускользали из жаждущих мужских рук. Эти ди-

кие пляски, великолепные в своей первобытной свободе, будили томительный трепет в сердце любого смотревшего на них. Трепет древний, как сама природа.

Тени танцующих широким кругом метались по земле. Они нескладно повторяли движения за танцорами, словно им тоже хотелось праздника. Как будто духи передразнивали людей, по-всякому искажая силуэты красивых молодых тел.

Только в эту ночь нечисти не было места подле людей!

Любомира танцевала вместе со всеми. Рядом с ней были Весняна и Стожара, румяные, запыхавшиеся, разлохмаченные, счастливые. Веселая свирель вела их в танце, все быстрее и быстрее. Уже совсем скоро они смогут надеть венок на голову избраннику и увести его за собой в ночную тишь. И пусть купальская ночь коротка, но так ли много времени нужно для любви?

Когда угаснут костры, затихнут свирели и обрядовые песни, серые утренние сумерки огласятся другими песнями, потаенными и бесстыдными, песнями самой жизни. А наутро счастливые парочки разойдутся по домам. И вскоре в поселке будут играть свадьбы. Много свадеб. Нет, не все, кто прыгал через купальский костер, останутся вместе, но таких будет большинство. Так уж сложилось.

Любомира искала глазами Маруна. Не мог же он просто так уйти после того, как зажег купальское пламя? Но нет, охотник был рядом, среди молодцев, задорно отбивая ритм сапогами, а сам все время бросал по сторонам ищущие

взгляды. И каждый раз, увидев Любомиру, улыбался.

Но вот, словно по команде, толпа танцующих разделилась на две части, отхлынув по разные стороны костра. Настало время прыжков через огонь. Юноши и девушки должны были прыгать навстречу друг другу, навстречу своему избраннику. И ежели прыжок выходил удачным, то в следующий раз пара прыгала, уже взявшись за руки.

– Смотри, Любаша, охотник-то глаз с тебя не спускает, – Весняна зашептала на ухо подруге. – Не сглуми, выбирай его. Не прогадаешь.

Любомира судорожно вздохнула и задержала дыхание. Марун и впрямь смотрел только на нее, он свой выбор явно уже сделал. Сердечко Любомиры колотилось, словно птичка в силках. Всего-то и стоит, что прыгнуть навстречу охотнику через костер, и на эту ночь он станет ее парой. И случиться то, чего Любомира так ждала и боялась. А потом... Потом она станет ученицей ведьмы и не сможет хранить верность суженому. Не такова ведьмовская доля. Сумеет ли Марун принять такое?

И Любомира засомневалась. Судорожно выдохнула, чувствуя, как кружится голова. От быстрых танцев, от волнения и запаха тлеющих трав. В глазах мутилось совсем как тогда, когда Василина учила ее разговаривать с духами. Тогда старая ведьма тоже поджигала особые травки. Вот и сейчас знакомый сладкий запах струился от купальского костра, путая мысли.

– Любаша, Марун прыгать собрался, – Весняна одернула подругу за рукав, выводя ее из транса. – Иди, скорее!

Впрочем, торопиться резона не было. Желающих прыгнуть вместе с угрюмым охотником больше не нашлось. Любомира на ватных ногах шагнула ближе к костру. Еще шаг. И еще. И замерла перед пламенем. И таким оно ей показалось высоким, что она даже испугалась. Как же такое перепрыгнуть? И губы сами собой начали шептать наговор об усмирении огня. Чтоб горел потише да грел поласковее. Только вот от волнения Любомира шептала что-то не совсем то...

Сквозь языки пламени она видела силуэт мужчины – высокий и ладный. Не юнец, но зрелый охотник с широким разворотом плеч, крепкими руками. Видела, как блестят его глаза, и сама таким же блестящим взглядом смотрела на суженого.

Шаг, небольшой разбег... Любомира задержала дыхание и прыгнула первой. Марун бросился ей навстречу... В голове юной ведьмы вдруг стало так звонко и ясно... пелена с ее глаз упала, и она увидела... что вместо статного молодца через костер перемахнул огромный мохнатый медведь.

Любомира приземлилась очень неудачно, на коленки, и кубарем покатилась по земле. Ребята бросились поднимать ее. Девушка затравлено обернулась на костер, но страшного зверя, словно и не бывало. Марун шагнул к ней, протягивая руку, но Любомира, вырвавшись от державших ее парней, испуганно попятилась.

– Люба моя, куда же ты? – у Маруна был низкий глубокий голос. Он ласково улыбнулся Любомире, но ей вновь помешался лишь медвежий оскал.

Она отступала от него, в страхе закрыв лицо руками. Затем сорвала с головы купальский венок и в сердцах швырнула его в пламя. Развернувшись и опрометью бросилась домой.

Любомира бежала, не разбирая дороги, шлепая по лужам босыми пятками. Ноги сами несли ее домой, под защиту родных стен. Прочь от страшного морока.

Дождь унялся, тяжелые тучи уползли на запад, и по их краю наливалось сиянием серое рассветное небо. Над головой Любомиры раздался тоскливый трубный клич. Словно почуяв неладное, сердце ее захолонуло, и девушка споткнулась на ровном месте. Остановилась, запрокинула голову вверх.

На фоне светлеющего неба виднелся длинный птичий клин. Огромные белые птицы, мерно махая широкими крыльями, летели по-над лесом, в сторону болота. И словно самый настоящий снег посреди лета, падали на землю белые перья...

– Гуси-лебеди летят... – Любомира прошептала одними губами. – Унести тебя хотят.

Проговорив это, она покрылась мурашками, как будто с разбегу нырнула в ледяную прорубь. Только мурашки были не от холода, а от страха. Со всех ног девушка бросилась к

своему домику, где они жили вдвоем с маленьким братцем.

– Василёк! – ученица ведьмы закричала прямо от калитки, даже не думая, что может разбудить малыша в столь неурочный час. – Василёк, встречай сестрицу!

Словно вихрь, она ворвалась в горницу, а навстречу ей, заламывая ручки, уже ковылял домовенок Шуршаня:

– Беда, Любушка, ой, беда! – причитал домовенок.

– Шуршаня, где Василёк? – Любомира потерянно озиралась. В доме что-то неуловимо изменилось. Ведьмовское чутье, пусть еще не пробудившееся у нее в полную силу, кричало о том, что в избушке побывал чужак.

– Забрали касатика, окаянные. Унесли, – казалось, еще чуть и домовенок заплачет. – Но я им перьев-то из хвостов повыдергал, цельный пук. Вот.

Шуршаня протянул Любомире пучок растрепанных белоснежных перьев. Точно таких же, что роняли над поселком коварные гуси-лебеди.

– Шуршаня, – только и смогла выдохнуть девушка. Коленки у нее подогнулись, и она без сил опустилась перед домовым. – Как так-то?

Девушка взяла из маленькой лапки перышки и только сейчас обратила внимание, что шерстка самого домовенка была всклокочена и местами выщипана до крови. Шуршаня грудью встал на защиту домочадца.

– Миленький мой, поранили они тебя, – едва сдерживая слезы, Любомира подхватила Шуршаню на руки и прижала

к груди.

– Да, пустяки, заживет, – смущенный заботой, домовенок попытался спрыгнуть с рук хозяйки.

– Давай поворожу, – Любомира снова протянула к нему руки, но тот отмахнулся:

– Поворожи лучше, куда гуси-лебеди Василёчка нашего понесли.

– Знамо, куда, к Ягине на болото столоваться, – Любомира с силой сжала в кулаке белые перья, только остовы захрустели. – Я их догоню.

Вскочила на ноги и решительно направилась к двери.

– Куда? Не пущу! – Шуршаня бросился ей наперерез, раскрыв свои короткие ручки во всю их небольшую ширь. – Не догонишь ты их! Сама сгинешь и братцу не поможешь!

Любомира могла бы просто перешагнуть через невысокого домовенка, но все же остановилась. После того, как от неведомой хвори померли отец с матушкой, Шуршаня остался в доме за старшего, и Любомира привыкла его слушаться. Домовой плохого не посоветует.

– Неужто ты думаешь, что я родного братца в беде брошу? – она с укором посмотрела на Шуршаню.

– Да, как ты как могла... Да, на меня так подумать... – Шуршаня с обидой сверкнул на нее глазками-бусинками, и Любомире стало стыдно за такие подозрения:

– Прости, Шуршаня. Но что же делать-то теперь? – ведьмочка обреченно вздохнула и присела на лавку.

– Знамо, что, – домово́й начал загибать пальчики. – Утра дожждаться, в путь-дорогу с умом собраться. А хорошо бы еще и провожатым обзавестись, чтоб до болот в сохранности довел.

– Да, кто ж туда пойдет? – Любомира чувствовала себя очень несчастной, слабой и никому не нужной. Сирота-безотцовщина, одно слово. Она сжимала зубы, стараясь сдержаться, но слезы все равно по одной просачивались из ее красивых зеленых глаз. – И какую только нечисть я сегодня рассердила? Ох, а какой страх мне в пламени купальского костра привиделся...

– Все одно ведь спать сейчас не ляжешь, – Шуршаня забрался к девушке на коленки и теперь ласково гладил ее по руке.

Любомира только головой покачала.

– Сходи к Василине, спроси совета. Деревенская ведьма научит уму-разуму.

Купальский костер догорел, ранний летний рассвет настойчиво расталкивал в стороны ночной морок. На траву легла густая теплая роса.

Василина была дома.

Едва Любомира занесла руку, чтобы постучать, как услышала из-за двери сильный голос деревенской травницы:

– Заходи!

И было в этом голосе что-то такое неуловимо строгое,

словно Василина собиралась ругать ученицу. Любомира оробела и тихонько толкнула незапертую дверь.

– Думала, быстрее примчишься, – ведунья была стара, но взгляд ее был яснее, чем у многих молодых.

У Любомиры точно язык отнялся от страха. Нужно было Шуршаню брать с собой для смелости. Но разве домового из дома вытащишь?

– Ты чего с праздника-то убежала? – Василина продолжала буравить ученицу сердитым взглядом. – Опозорила хорошего мужика перед всем поселком.

– Ох, – только и смогла выдохнуть Любомира. – Баба, я такую жуть в огне углядела.

– Что еще за жуть? – Василина по-прежнему строго хмурила брови, но увидев неподдельный страх ученицы, чуть смягчилась.

Любомира испуганно покосилась на травницу:

– Видела, будто... не Марун это вовсе. А будто зверь лютый на меня из огня напрыгнуть хочет.

– Хм... Купальское пламя врать не станет. И какого же зверя ты увидела в нем, девонька?

– Медведя огромного, лохматого... – воспоминания о пугающем мороке захлестнули Любомиру, и она осеклась. – Это что ж такое было, а баба?

– Видится мне, о том лучше у самого Маруна спросить, – Василина поджала сухие губы. – Но ты ведь не за тем ко мне пришла? Другая напасть тебя гложет.

– Гуси-лебеди в поселок прилетали, – Любомира зашептала быстро, словно боялась, что не успеет всего рассказать. – Братца моего, Василёчка, забрали. Вызволять его надобно. Подскажи, баба, научи уму-разуму, как спасти Василёчка...

Горло у Любомиры перехватило, и она заплакала, представив, каково ему там одному, маленькому мальчонке, в темной чаще, у страшной колдуньи.

– Баба Яга – костяная нога. Ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос, – Василина пробормотала старинный наговор, и Любомире стало еще жутче, а поток слез удвоился.

– Да, не реви ты, – раздраженно бросила Василина. – Найдется твой братец.

– Ягиня с детками не церемонится, она их... – растирая слезы по щекам, едва выдавила из себя Любомира.

– Что, ест? – Василина переспросила это с такой насмешкой, что слезы Любомиры разом высохли.

Она очень по-детски шмыгнула носом. Утерлась рукавом праздничной рубахи:

– А что, разве нет? – переспросила.

А Василина в ответ разразилась таким залиvistым смехом, что девушка опешила.

– Глупости все это. Детские сказки, – отсмеявшись, Василина снова строго посмотрела на Любомиру. – Вот, ты вроде девка взрослая и неглупая, а в такую ерунду веришь.

– Но как же... – Любомира растерялась, только руками

развела.

– ...но к Ягине тебе действительно пора.

– Зачем это? Если не за братцем? – юная ведьмочка недоверчиво следила за наставницей, которая неспешно прохаживалась по избе.

– А вот как дойдешь до болот, так и узнаешь, – загадочный ответ травницы ясности не прибавил. – Забоишься одна идти, ищи себе проводника. Но поутру уже, а покамест в дорогу тебя соберем.

Василина распахнула стоявший в углу сундучок. Любомира только недоуменно вскинула брови: сколько раз бывала она у наставницы дома, ни разу не видела в ее избе такой красоты. Небольшой резной ларец был покрыт разноцветной глазурью, блестящей в отблесках свечей, точно самые настоящие самоцветы.

– Красота-то, какая, – девушка невольно залюбовалась.

– Небось, и не замечала раньше? – ведунья хитро покосилась на девушку. – Все верно, мой ларец видно только тогда, когда он открыт.

– Как интересно... – Любомира вытянула шею, сиюсь разглядеть содержимое.

– А то! – Василина усмехнулась. – На, держи, – и протянула девушке маленькое круглое зеркальце в простой оправе. – Ты не гляди, что с виду оно простое. В этом зеркале самая глубокая суть вещей отражается. Используй его с умом.

– Спасибо, – девушка взяла зеркальце, повертела в руках,

думая, куда бы его пристроить.

А Василина достала из ларца следующую вещьцу – небольшой деревянный гребень.

– Даже в дальней дороге девица должна быть опрятна да причесана, – проговорила с улыбкой. – Только гребешок этот не только красоту наводит умеет. Причесывайся им почаще, он от тебя темных духов да злых людей отгонять будет.

Любомира провела пальцами по гребню. Он казался совсем новым, только-только выструганным. Поднесла к носу – и верно, от гребня пахло свежим деревом.

– А это твой поводырёк, – и травница протянула девушке маленький клубочек красных ниток.

Любомира приняла и этот подарок. Клубочек был теплым, словно на нем только что спал пушистый котик.

– Брось клубок наземь перед собой да подумай о том, куда тебе хочется попасть. И только успевай по кочкам прыгать – он тебя враз до места доведет.

– Спасибо, баба, – Любомира знала, что у старой травницы припасено немало секретов, но не думала, что на ее долю достанется сразу так много. – Ну, я пойду?

Девушка поднялась и собралась уже уйти, но Василина силой усадила ее обратно:

– Куда торопишься? Из одних волшебных цацек каши не сваришь. А провизия в дорогу? А теплые вещи? Посошок дорожный, наконец? На, держи котомку и давай теперь собираться по-настоящему, как все нормальные люди.

Глава 3. Уговоры

Насилу дотерпела Любомира до утра. Светает летом рано, петухи с ранья вовсю горланят. Как ни пытался Шуршаня заставить ее хоть немного поспать, девушка так и не сомкнула глаз.

И как только поселок начал просыпаться, она оделась в дорогу, подхватила набитую припасами котомку и выскочила на улицу. Несмотря на отшумевший ночью праздник, утро в деревне начиналось, как обычно, рано и деловито. Пастухи выгоняли скот на луга, женщины суетливо сновали во дворах с бадьями и корытами, кузнец растапливал горн. И над всем этим стлался теплый запах свежего хлеба.

К кузнецу Любомира и направилась в первую очередь. Божан казался ей самым могучим мужиком в деревне, похожим на самого Батюшко, повелителя грозы. По крайней мере, Любомира именно так представляла себе суровое божество: с длинной черной бородой, с жилистыми руками и чудесным молотом, от ударов которого грохотал гром на всю округу.

– Божан, миленький, будь ласков, проводи меня в лес,
– без предисловий Любомира бросилась к нему со своей просьбой.

Кузнец, занесший, было, для удара тяжелый молот, так и замер с воздетым орудием, как никогда похожий на грозово-

го бога. Коротко крикнув, опустил молот наземь и оперся на его длинную рукоять:

– Куда тебя проводить? – посмотрел на девушку из-под кустистых бровей.

– В лес, на болота... – просьба звучала странно, и потому Любомира чувствовала себя очень неловко.

– На болота? – кузнец опешил. – Да, в уме ли ты, девка? Вчерашний праздник в голову ударил? Выбрось дурь из головы да иди, работай. У меня, вон, малой сегодня захворал, наворожи ему какой отвар целебный.

– У меня братец пропал, – Любомира пискнула едва слышно, но по сердитому взгляду Божана уже поняла, что помогать он ей не станет.

Кузнец вернулся к работе, а Любомира бросилась дальше искать проводника. Следующим на глаза ей попался Катай, молодой поселковый пастух. Он замешкался и последним выгонял свою часть стада на выгул. Как и все деревенские ребята, Катай был крепким: одной рукой мог своротить рог норовистому молодому бычку. В прошлом году на празднике костра Любомира всерьез на него заглядывалась, да не ко времени расшумевшаяся гроза помешала ее планам. Планам Катая она, однако, не помешала, и он благополучно обручился с Радой, которая недавно родила ему сына.

– Эй, Катай! – Любомира приветственно помахала рукой, на сей раз решив действовать осторожнее, чем с кузнецом.
– Куда путь держишь?

Девушка подбежала к нему, оправила косу, заглянула в глаза. И сняла с его ворота зацепившуюся там соломинку. Не ожидавший подобного радушного приветствия Катай, оробел:

– Так... знамо дело, куда. На верхний луг коровушек поведу. Там после вчерашней грозы трава по пояс вымахала. Пушай кормятся.

– А-а-а... можно мне с тобой? Прогуляться, – Любомира потупилась, испугавшись, что в ее глазах слишком ясно читалось вранье. Впрочем, Катай не отличался особой проницательностью.

– Ну, пойдем, – парень пожал плечами. – За травами собралась, что ль?

– Ага, за травами, – Любомира кивнула и отвернулась в сторону. – А одной боязно.

– Чего там бояться-то, дорога чистая. – Пастух широко улыбнулся, но тут же недоуменно покосился на ее дорожную суму, – А чего котомка уже такая полная?

– Не верь ей, Катай! Вертит она, – откуда ни возьмись рядом нарисовался Могута, и Катай перевел на него вопросительный взгляд.

– Тебе-то что? – ученица травницы надула губы, глядя в красивое самодовольное лицо деревенского любимчика.

– А то, что ты на болота собралась. Сам слышал, как ты Божана с собой звала. Кузнец отказал, так ты теперь к Катаю подластиться решила? – Могута вскинул брови, с наглым ви-

дом поглаживая свои полные губы.

Любомира только рот открыла, но не сообразила, что возразить.

– Не, Любаш, на болота не пойду, – Катай виновато покачал головой. – Меня Рада убьет, ежели я к вечеру домой не вернусь.

– Женушкин подклобучник, – Любомира чуть слышно процедила сквозь зубы, но Могута услышал:

– А ты локти-то не кусай, что не тебе мужик достался. Иди, вон, своего суженого проси тебя в болото проводить.

– Это кого же интересно? – Любомира уперла руки в бока.

– Да, Маруна-охотника, – Могута усмехнулся. – Он те места наверняка хорошо знает, да только шибко зол он на тебя за вчерашнее. Не уверен, что уболтаешь. Идем, Катай, – он уже повернулся к пастуху, – ну ее к лешему, грушу перезрелую.

Любомира только рот открыла от возмущения, не успев придумать, как ответить на дерзость, но Могута уже увел Катая прочь. Тот только виновато покосился на девушку через плечо и отвернулся.

Еще трижды Любомира испытывала судьбу и просила знакомых мужчин проводить ее до болот, но у каждого находилась очень весомая причина, чтобы туда не идти: базарный день, детки малые, тесто в кадке у жены. Последний довод особенно удивил Любомиру, но она прекрасно понимала, что спорить было бесполезно.

Ученица травницы стояла одна посреди многолюдной поселковой площади с полной котомкой через плечо и только зубами скрипела от обиды и отчаяния. Никто, совсем никто не хотел ей помогать, никому не охота было соваться в трясину ради чужой девицы.

Страх мешался с гордостью и отчаянным желанием отыскать братца. Ноги сами потихоньку понесли Любомиру в сторону леса. Туда, где за околицей жил в одиночестве деревенский охотник.

Не просто так об угрюмости Маруна ходили байки в поселке. Охотник был нелюдим и неразговорчив, его побаивались. Он приходил время от времени, приносил лесную добычу, брал в обмен хлеб да молоко, и снова исчезал в своей чащобе. А вчера вечером Марун Северный Ветер удивил всех. И тем, как лихо отплясывал на празднике, и тем, как много улыбался. А ведь все его улыбки предназначались именно ей, Любомире...

Стиснув зубы, девушка направилась в сторону одинокой охотничьей избушки.

Лесной охотник жил в маленьком аккуратном домике. Так сразу и не скажешь, что он в нем бобылем век коротал – чистенько, уютно, по крайней мере, снаружи.

Чем ближе Любомира подходила, тем медленнее ступала – боязно было, особенно после того, что ей ночью в пламени костра примерещилось. Хотя сейчас, при свете солнца, под

ление лесных птиц ее вчерашние страхи казались уже почти выдумкой. А ну как ей и, правда, показалось? Дым в глаза попал, молния блеснула? Никто ж больше медведя не увидел.

Хозяина избушки нигде видно не было, и Любомира уже решила, что он затемно ушел в лес на промысел. Она выдохнула с облегчением – раз уж не судьба ей была договориться с пугающим охотником, так нечего и бояться. Одна сходит за братцем на болота, не пропадет. Ходила же она в лес за травами, а это лишь чуточку дальше...

Любомира собралась уже уходить, развернулась, когда ее остановил низкий глубокий голос, прозвучавший откуда-то из окружавших избушку зарослей:

– Пришла?

Девушка так и замерла на месте, боясь шелохнуться. Она не заметила охотника, а он тем временем спокойно наблюдал за ней, совершенно невидимый.

Любомира кивнула:

– Пришла.

– Чего надобно? – в голосе Маруна не было ни капельки дружелюбия, и Любомира только сглотнула. Прав был Могу́та, Марун на нее злился, от его вчерашней сердечности не осталось и следа.

– Помощь твоя нужна... – девушка проговорила тихонько, ожидая чего угодно, от взрыва злорадного хохота до грозного медвежьего рева.

Но услышала лишь шорох веток за спиной. И все-таки обернулась. Марун выбрался из зарослей и теперь стоял перед ней, недовольно хмуря брови. Одет он был по-дорожному, в руках короткое копьёцо, на плечах моток веревки. Верно, он и впрямь собирался на промысел, да появление Любомиры его остановило.

– Вот как? – охотник хмыкнул. – А зачем бы мне тебе помогать, Любомира-травница? Или не так, – он прищурился, изучая девушку, словно зверушку, запутавшуюся в его силах, – Любомира-обманница.

– Я не обманница... – девушка принялась несмело оправдываться.

– Разве, нет? – охотник не дал ей договорить, скрестил руки на груди. – Ты мне ночь теперь должна, Любомира.

Девушка вспыхнула от подобного бесстыдства, щеки ее заалели, словно два наливных яблочка. Она понимала, что охотник был прав, но не желала признавать этого:

– Ничего я тебе не должна, оборОтник окаянный!

– Как ты меня назвала? – выражение лица Маруна тут же сменилось с обиженно-сердитого на удивленно-настороженное, он опустил руки вдоль тела и недоуменно посмотрел на девушку.

– ОборОтник! Медведь-шатун! – понимая, что нащупала нужную струнку, юная ведьмочка принялась играть на ней.

Лицо Маруна потемнело, и Любомира даже перепугалась, что сейчас снова увидит медведя воочию.

– Да, знаешь ли ты, балаболка деревенская, кто такой медведь-шатун?

От страха Любомира принялась дерзить:

– А знают деревенские, кого пригрели у себя под боком? Чего молчишь? ОборОтник!

Последнее слово звонко раздалось под пологом леса и застыло где-то в переливах птичьих трелей. Повисла тишина, если не считать щебета птиц и шороха листвы.

Охотник исподлобья смотрел на ученицу деревенской ведьмы, поигрывая желваками на скулах. Она стояла перед ним, насупившись, до белых костяшек на пальцах сжимая лямки своей котомки. Наконец, Марун нарушил молчание:

– Вот что, ведьма недоученная, иди-ка ты отсюда подобру-поздорову. Пока я не рассердился. Так и быть, прощаю тебе вчерашнее, только на глаза мне больше не попадайся, а то я за себя не ручаюсь.

– Не уйду, – Любомира насупилась еще сильнее и проворчала себе под нос.

– Чего ты там бубнишь? – Марун скривился. – Проваливай, сказал же тебе.

И принялся показательно перебирать висевшие на стене домика ловчие снасти, которые и без того были в идеальном порядке. А Любомира стояла, понутившись, и снова, как и посреди деревенской площади, чувствовала себя очень слабой и никому не нужной. Слезы подступили к глазам, и она с силой сжала зубы, чтобы не пустить их наружу.

Заговорила, медленно цедя слова. Не потому что хотела показаться высокомерной, а просто, чтобы не разреветься на глазах у охотника:

– В купальскую ночь гуси-лебеди... унесли моего братца за лес... на болото... Я выручать его иду, а никто помочь мне не хочет, – она все-таки всхлипнула и, разозлившись из-за этого, резко развернулась и потопала прочь. – Да, и ладно! Одна дойду!

– Не дойдешь ты одна, – в голосе Маруна больше не было враждебности, он звучал глухо и грустно. – На болота... К Ягине что ли на поклон собралась?

Любомира остановилась и покосилась на Маруна через плечо. Аккуратно кивнула.

Охотник оставил в покое свои снасти и уже сноровисто собирал дорожный узел, а ведьмочка только искоса наблюдала за его приготовлениями.

– В таких лапотках точно не дойдешь, – Марун бросил быстрый взгляд на плетеные лыковые башмачки Любомиры. – На, вот, обуйся.

И бросил к ее ногам пару охотничьих сапог из выделанной кожи на толстой подошве. С сомнением девушка подняла подарок, повертела в руках. Добротная работа, наверняка, охотник сам их шил, деревенский мастер таких не делал. Вот только размер был не под стать рослому мужчине. Для кого же он их готовил?

– Спасибо, – Любомира проговорила негромко и, сбросив

оцепенение, принялась переобуваться. – Удобные.

– Они новые. Смотри только, чтоб ноги не стереть.

– Уж как-нибудь, – Любомира скривила губки и снова подорвалась уйти, но Марун опять ее остановил:

– погоди, не ерепенься. вспылil я чуток, – охотник вздохнул, не глядя на девушку. – Говоришь, гуси-лебеди братца унесли? А как звать-то братца?

– Василёк, – Любомира стояла растерянная, не зная, чего дальше ждать от охотника.

А тот только ухмыльнулся себе в бороду:

– Это тот мальчонка, что мне молоко от твоей соседки носил? Ее-то ребятишки все боялись ко мне за околицу бегать, а твой братец, значит, самый смелый?

– Смелый, – Любомира повторила эхом, чувствуя, что вот-вот готова опять разреветься при мыслях о братике.

– Ты, вот что, не реви, – Марун проговорил строже. – Провожу я тебя на болота.

– Правда? – Любомира недоверчиво посмотрела на Маруна своими огромными зелеными глазами. Она никак не могла решить, радоваться ей или пугаться того, что охотник решил помочь.

– Ну, не бросать же мальчугана у Ягини одного, – мужчина вздохнул.

– А ярить не полезешь? – Любомира выпалила, не успев остановиться, и снова покраснела.

– А как вести себя будешь, – Марун смерил девушку хит-

рым взглядом, и на губы его все-таки выползла улыбка, жалкое подобие тех, которыми он щедро одаривал ее накануне. – Я гляжу, в дорогу ты уже собралась. Сейчас я только стрел побольше захвачу, и можем идти к Ягине в гости.

Марун уверенно двигался через заросли, не оглядываясь на Любомиру. Он знал, что упрямая девчонка от него не отстанет. Впрочем, пока что дорога была не трудной, хоть и вела стороной от торных тропок.

В лесу Любомира бывала часто. По поручению Василины девушка собирала травы, ягоды да грибы для ведьмовских зелий. Она хорошо ориентировалась в чаще, знала всех лесных обитателей. Зверье не пугалось девушки – ступала она тихо, всегда приносила с собой угощение. У нее здесь даже были свои знакомцы: семейство белок, сорока-трещотка да белохвостый олененок. Они частенько приходили встречать Любомиру, выпрашивая лакомство, а юная ведьмочка все пыталась заставить их говорить. Не только ж в сказках звери разговаривают человеческим голосом.

Но зверушки упорно молчали.

И теперь все беличье семейство скакало по ветвям следом за Любомирой, но она только отмахивалась от них – не до белок ей сейчас.

– Твои, что ли, приятели за нами подглядывают? – от глаз охотника не укрылось настороженное внимание лесных обитателей.

Он остановился, втянул носом воздух, словно принюхиваясь. Любомира догнала провожатого:

– О чем это ты? – с деланным недоумением пожала плечами. А ну как охотник решит по дороге белок пострелять?

– Да, вот о них, – Марун, не глядя, ткнул пальцем на сук над своей головой, где в рядок расселись пышнохвостые зверьки, и тех тут же словно ветром сдуло.

Охотник усмехнулся:

– В любимицах ходишь у лесных жителей, Любомира. Видать, и вправду хорошая ты девчонка.

Слова Маруна польстили ведьмочке, как любой молоденькой девушке. Она улыбнулась, но тут же сдвинула бровки и поджала губы, чтобы придать лицу суровости:

– Много болтаешь, Марун-охотник.

Тот усмехнулся еще шире:

– Смотри только, осторожнее будь. Не все звери в лесу такие дружелюбные.

– Так, а ты на что же? – Любомира захлопала на охотника зелеными глазами. – Сам же вызвался провожатым, вот и отгоняй от меня недружелюбных зверей.

И девушка решительно зашагала дальше.

– Да, кабы я всех их мог отогнать, – Марун разом погрустнел, вздохнул и пошел следом за Любомирой.

Лесной полог становился плотнее, в лесу темнело и мрачнело, хоть подлеска было мало, и идти по-прежнему было легко. Особенно в новых подаренных охотником сапожках.

И Любомира не удержалась. Обернулась через плечо, спросила с показной насмешкой:

– Чья на мне обувка, а, Марун Северный Ветер? Не для себя ведь готовил, маловата она тебе.

Охотник ответил не сразу. Любомира уже отвернулась от него и все высматривала беличье семейство в переплетении веток, но белки, не дождавшись вкусняшек, ушли заниматься своими делами.

Наконец, Марун проговорил очень тихо, Любомире даже пришлось замедлить шаг, чтобы поравняться с охотником и услышать его слова:

– Жены моей, Марьяны. Только она, почитай, и не носила их. Разок примерила и все.

Головой Любомира понимала, что не стоит задавать следующий вопрос, но любопытство пересилило:

– Что с ней случилось?

Снова Марун надолго замолчал, и ведьмочка уже решила, что он не станет отвечать на бесстыдный вопрос, когда охотник заговорил:

– Медведь ее загрыз позапрошлой зимой. Медведь-шатун. Знаешь, кто это?

Любомира потупилась:

– Прости, я не знала. Болтают в деревне всякое, вот я и... А детки у вас были?

– Народился у нас сынок, да его, крошку совсем, из колыбельки звери дикие утащили, покуда Марьяна в лесу травы

собирала. А больше мы и не успели... – Марун только рукой махнул и ускорил шаг, обгоняя Любомиру. Разговор был закончен.

Как ни храбрилась Любомира, но ближе к полудню начала спотыкаться, да и шаг ее сильно замедлился. Марун заметил ее усталость, но все, вероятно, ждал, пока она сама попросит о привале. Но Любомира не просила и упрямо шагала следом за провожатым.

Наконец, он сжалился и остановился возле поваленного ствола дерева. Швырнул наземь свой походный узелок:

– Все, привал.

– Какой такой привал? Дальше идем, до болот еще далеко, – и, повыше подвязав промокшую от росы и растрепавшуюся юбку, Любомира направилась напрямик в чащу.

– Я сказал, привал, – Марун проговорил строже. – Именно, что до болот еще топтать и топтать, а ты с ног валишься. Что мне тебя потом, на себе тащить?

– Да, я вообще не устала! – ведьмочка принялась возмущаться, но в этот момент неловко запуталась в юбке, запнулась об очередную кочку и едва не упала.

– Вижу-вижу, – охотник по-доброму усмехнулся. – Да, и одежда у тебя неподходящая по лесу ходить. Штаны бы тебе.

– Портки? Как у мужика? – ведьмочка аж задохнулась от возмущения.

Марун только рукой на нее махнул и принялся разводить костер:

– Хворосту для костра собери и шишек сосновых, их тут много в округе нападало.

– А ты чегой-то командовать удумал? – уставшая и растрепанная, Любомира злилась. И на Маруна за то, что так уверенно и спокойно держал себя, и, в первую очередь, на себя саму за то, что оказалась слабее, чем ожидала.

– Я добываю огонь, ты ищешь для него пищу, – Марун строго по-отечески нахмурился, глядя на девушку, и Любомира не решилась спорить с ним. Она устала и готова была переложить на крепкие мужские плечи ответственность за происходящее. Поэтому молча отправилась за хворостом и шишками.

Вскоре озорные язычки пламени затрещали на дровах, и Любомира повеселела. Она любила огонь, Василина даже учила ее огненным знакам, но каждый раз предупреждала, чтобы была осторожна. Огонь – стихия своенравная, для ее укрощения особая мудрость и сила потребны были.

Утолили голод походной снедью. Марун вытянулся возле костра, прикрыв лицо сгибом локтя, и сделал вид, что спит. А Любомира принялась переплетать растрепавшуюся косицу. Волосы у нее были длинные и густые, и привести их в порядок после подобной лесной прогулки было делом не простым. Выбрать весь лесной сор, расчесать, как следует. Любомира распустила волосы и тут едва не хлопнула себя по лбу. Как же она могла забыть о подарках Василины? О чудесном зеркальце, показывающем правду, о гребешке, отго-

няющем нечистую силу, а главное, о путеводном клубочке? Впрочем, Марун пока что вполне справлялся с ролью проводника. Поэтому Любомира достала зеркальце и гребень и принялась расчесывать волосы, время от времени поглядывая на себя в зеркальце.

И сама собой на уста выплыла песенка. Даже не песенка, а наговор, который Любомира мурлыкала себе под нос каждый раз, когда причесывалась. Волшебные слова о здоровье и благополучии в доме. Девушка вздохнула: как там был без нее Шуршаня? Остался совсем один за домом приглядывать. Поторапливаться нужно было, а охотник, как назло захрапел. Ведьмочка искоса глянула на него, но Марун лег неудобно, прямо за ее спиной. И тут ее осенило.

Любомира продолжила причесываться и, словно невзначай, повернула зеркальце так, чтобы в нем отражался мужчина. Ежели он и вправду медведь-оборотень, то волшебное стекло покажет его истинную суть. Вытянула шею, чтоб получше рассмотреть спутника и... увидела в зеркальце отражение светло-карих глаз Маруна. И было в них что-то такое терпкое, текучее, словно то были две капельки липового меда. Охотник только делал вид, что спит, а сам тихонько смотрел, как Любомира причесывается.

Девушка резко обернулась, думая, что застигнет мужчину врасплох, но тот даже не дернулся:

- Подглядываешь! – это был не вопрос, а утверждение.
- Любуюсь... – голос Маруна прозвучал глухо. – Ты очень

красивая, Любомира.

Ведьмочка хотела сказать что-нибудь резкое, но опешила от таких приятных слов. И от неловкости выпалила первое, что пришло на ум:

– Ты тоже... – она не успела прикусить язык и тут же залилась румянцем, не зная, куда прятать глаза.

Но охотник действительно был хорош собой: прямой тонкий нос, не чета деревенским. У тех, то ли нос, то ли картошка, и не разберешь. Ресницы пушистые, словно у девицы. И зачем только мужику такая красота? Но самым удивительным, были глаза охотника. Такого невероятного теплого цвета глаз не было ни у кого в деревне. Были чернявые, как тот же кузнец, но у того и глаза были темные, почти черные, а у Маруна они были светло-коричневыми, словно застывшая сосновая смола, сквозь которую светят солнечные лучи. И также блестели сейчас, когда Марун смотрел на Любомиру.

Он улыбнулся:

– Не самое важное качество для мужчины. Впрочем... спасибо и на том.

И принялся собирать их нехитрую стоянку – разбрасывать угли да складывать пожитки.

Глава 4. Хозяин леса

Любомира тоже засуетилась. Ей было неловко и стыдно. Оттого, что невольно показала охотнику свой интерес, а еще пуще оттого, что собиралась-то она выручать братца, а сама теперь глазки мужику строила. Девушка досадливо тряхнула русой косой, прибрала гребешок и зеркальце. На миг замешкалась, погладив пальцами зеркальную поверхность. Не показал Василинин подарок истинной сути Маруна. Верно, обхитрила ее старая ведунья, насочиняла сказок, чтоб дальний путь не таким страшным девице казался. А на самом деле, это было самое что ни на есть обыкновенное зеркальце. Наверно, и гребешок с клубочком тоже были просто безделушками, не зря ведь травница так ратовала, чтоб Любомира искала себе проводника.

Девушка вздохнула, покосилась на охотника.

Или же не было вовсе никакого медведя? Все ей примерещилось, и зря она тогда обидела Маруна отказом? И впрямь теперь ночь ему должна?

От таких мыслей сердечко Любомиры колотилось все быстрее, она вздыхала, кусала губы.

– Ты вроде торопилась, – Марун уже ждал ее на тропе, полностью собранный. – Чего теперь-то мнешься?

– Так, – Любомира ответила неопределенно и, стараясь не глядеть на охотника, направилась следом за ним по едва

приметной стежке.

— Легкая дорога кончилась, имей в виду, — Марун принялся наставлять спутницу. — Тропа через десяток шагов совсем сойдет, придется идти по бурелому. Выдюжишь?

— Справлюсь, — ведьмочка буркнула негромко.

Спокойная забота Маруна почему-то вызывала у нее досаду, словно с каждым шагом она все больше становилась ему должна. Особенно после того некрасивого прыжка через костер и их несостоявшейся купальской ночи. Словно, охотник ждал от нее извинений, желательно в виде ее девичьей невинности, преподнесенной ему в ближайших кустах.

Впрочем, сам Марун после их последнего разговора больше никак не намекал на это. Но Любомира морочилась все сильнее. Ей уже даже стало казаться, что мужчина только и ждет удобного момента, чтобы завалить ее в заросли, подмять под себя, и потому потихоньку отставала от него, чтобы в случае чего, успеть убежать.

— Не отставай, — опытный охотник сразу заметил, что девушка замедлилась. — Здесь места нехоженые, зверья дикого много. И не все такие милые, как твои друзья-бельчата, — он обернулся к Любомире, попытался улыбнуться, но увидев ее напряженное лицо, нахмурился и ускорил шаг.

А Любомира шла позади, разглядывая его крепкую спину, словно высматривая клочья бурой медвежьей шерсти, растущие из-за ворота, но видела только ладную куртку на широких плечах да переливающиеся от ходьбы упругие ягодки

чуть пониже куртки. И, несмотря на все свои страхи и обиды, то и дело опускала взгляд именно на них.

И тут Любомира ненароком глянула на пояс охотника... У его левого бедра висела лунница – оберег, украшенный желтыми клыками крупного хищного зверя, резными деревянными бусинами, а в центре оберега... красовалась вырезанная из дерева медвежья голова размером почти с кулак Любомиры.

Девушка застыла на месте, как вкопанная.

– Нет, так мы далеко не уйдем, – Марун тоже остановился и полностью обернулся к Любомире. – Что у тебя стряслось? Сапогами ноги стерла? Предупреждал ведь, что они новые...

– Это что у тебя? – не слушая его, девушка ткнула пальчиком в лунницу на его поясе. Палец предательски подрагивал.

– Ты ученица ведьмы и не знаешь? – Марун удивленно вскинул брови. – Оберег от нечистой силы это.

– Почему с медвежьей головой? – девушка с подозрением щурила зеленые глаза. – Признавайся, Марун-оборОтник.

– В чем я должен тебе признаться? – мужчина развел руками.

– Ты оборотень! Колдун-берендей [*], вот в чем! – ведьмочка сжала кулачки, с вызовом уставившись в золотистые глаза мужчины, но тот только тяжело вздохнул, отвернулся и, как ни в чем не бывало, зашагал дальше.

– Чего молчишь? Отвечай?! – Любомира даже ножкой топнула от негодования.

Марун остановился, проговорил, не оборачиваясь:

– Не задавай вопросы, ответы на которые не твоего ума дело. Или мы идем на болота за твоим братом, или я сворачиваю на охотничье урочище прямо сейчас. Выбирай. Но учти. Еще один подобный вопрос, и я уйду без предупреждения, сама из чащобы выбираться будешь.

Сердце Любомиры трепыхалось в груди, раз за разом пропуская удары. В древесных кронах как ни в чем не бывало щебетали птицы. Охотник молча ждал ее ответа.

– Мы идем на болота, – наконец ведьмочка выдавила из себя.

Марун кивнул, все также не оборачиваясь, и продолжил путь. И Любомира последовала за ним.

Уйти далеко они не успели. Через пару десятков шагов ведьминское чутье подсказало Любомире, что где-то совсем рядом стряслась беда. Она слышала боль и страх. И смерть. Марун снова остановился, втянул ноздрями воздух, принимаясь. И озвучил опасения Любомиры:

– Смертью пахнет.

И взял наизготовку свое короткое копьецо.

Теперь он двигался короткими упругими шагами, чуть пригнувшись к земле, и Любомира произвольно повторяла его движения. И жалась ближе к спине охотника, справедливо считая, что подле его сильной руки ей будет безопаснее всего.

– Замри, – Марун проговорил это так тихо, что Любоми-

ра поняла его лишь каким-то полузвериным чутьем. Мысль, жест, поза – охотник застыл на месте, и ведьмочка застыла рядом с ним, едва успев перенести вес тела на обе ноги.

В нос ударил гадкий сладковатый запах недавней смерти. Любомира поморщилась и попыталась выглянуть из-за плеча охотника. На небольшой прогалине неподвижно лежала темная мохнатая туша, источая пока еще терпимый смрад. Трава вокруг была смята, молодые деревца выдраны с корнем. А над телом уже деловито жужжала толпа насекомых, которых не пугала чья-то смерть. Напротив, в ней они искали продолжение своей собственной жизни.

Озираясь, Марун приблизился к туше, осторожно потыкал ее кончиком копыльца.

– Кто это? – Любомира не решилась подойти ближе и только вытягивала шею с любопытством, смешанным со страхом и отвращением.

– Медведь, – Марун проговорил, словно выплюнул это слово. И тут же вправду плюнул на мертвого зверя. – Точнее, медведица. Под ней медвежонок, тожедохлый.

– Ой, как жалко, – ведьмочка протянула и все-таки приблизилась к поверженной хозяйке леса. – Это кто ж их так?

– Ясное дело, кто, – Марун настороженно озирался, словно ждал нападения из зарослей. – К медведице с медвежонком в лесу никто не осмелится подойти. Кроме...

Любомира похолодела от ощущения опасности и тоже принялась озираться.

– ...кроме самого медведя. Видать не уважила она его, вот и подрал ее косолапый ненароком. Идем-ка отсюда подобру-поздорову. Не ровен час, бер еще бродит где-то неподалеку. Не хотелось бы мне с ним повстречаться.

Осторожно обходя тушу убитой медведицы, Марун направился дальше, не опуская копыя. Хотя чем могла помочь такая былинка против хозяина леса? А Любомира все не могла оторвать глаз от убитого зверя. Какой же огромной была медведица! И наверняка очень сильной. Но даже она не устояла против медведя, хоть и защищала самое дорогое, что у нее было – своего детеныша.

При мысли о малыше у Любомиры оборвалось сердце. Как там был ее Василёчек у Бабы Яги на побегушках? Со-всем один, такой маленький и глупый еще мальчонка. Она закусила губу и заторопилась следом за Маруном. И потому не заметила, как из зарослей прямо ей под ноги выкатился темный мохнатый комок. Ведмочка споткнулась, ойкнула от неожиданности, и в ответ раздалось обиженное испуганное ворчание.

Марун тут же оказался рядом, занеся для удара короткое копыце. Едва успела Любомира отвести его руку в сторону: – Не тронь! Он же махонький совсем!

К ногам Любомиры, словно почуяв в ней доброту, жался бурый медвежонок и испуганно ревел, косясь на охотника янтарным глазом.

– Это медведь, Любомира. С ними шутки не шутят. Отвернись, не гляди, я все сделаю быстро, – Марун был непреклонен и оружия не опускал.

– В своем ли ты уме, Марун Северный Ветер? – ведьмочка встала в позу, уперев руки в бока. – В дитё копьём тычешь? Чем ты лучше того медведя, который мать его убил?

И, не обращая внимания на выставленное острие копья, Любомира наклонилась и подхватила медвежонка на руки. Звереныш оказался тяжелым, держать его было трудно, но он словно понимал, что Любомира осталась его единственной защитницей, и сам пытался цепляться за ее одежду. И ненароком оставляя когтями длинные красные царапины на нежной девичьей коже...

Казалось, Марун растерялся. И от слов Любомиры, и от того, как крепко вцепились друг в дружку ведьмочка и медвежонок. Девушка смотрела с вызовом, звереныш со страхом, и рука охотника дрогнула.

Он опустил копьцо:

– Хорошо, пушай бежит на все четыре стороны.

Любомира с облегчением спустила медвежонка наземь, а охотник тут же ткнул в него указательным пальцем, словно зверь мог понять его слова:

– Только подрастешь, на глаза мне не попадайся. Больше не пожалею.

И медвежонок, казалось, действительно понял его и несмело заковылял прочь. Охотник отвернулся и тоже на-

правился своей дорогой, и только Любомира мешкала:

– А что ежели он того взрослого медведя встретит, который его мать загрыз?

– Его проблемы, – Марун не останавливался, и ведьмочке пришлось последовать за ним, чтобы не потерять проводника среди чащи.

– Но он же маленький совсем.

Марун не ответил.

– Почитай, что мой Василёчек, только мохнатый и о четырех лапах.

Охотник снова промолчал.

– Это же не он загрыз твою Марьяну, Марун! – Любомира понимала, что сделает больно такими словами, но не смогла промолчать.

А охотник смог. И даже головой не повел.

Так они и шли дальше – быстро и молча, пока не начало смеркаться.

– Долго нам еще идти до болот? – Любомира все-таки не выдержала.

– Завтра к полудню будем, – Марун ответил коротко.

– Так далеко, – ведьмочка протянула устало. – Не думала, что наш лес такой большой.

– Ты даже не представляешь себе, *насколько* он большой. И кто в этом лесу водится, – охотник все-таки покосился на спутницу, недовольно и обиженно. Увидел ее замученное лицо, растрепавшуюся косицу и продолжил уже с сочувстви-

ем. – Притомилась?

– Ничего не притомилась, идем дальше, – Любомира пыталась казаться бодрой, но после бессонной ночи и долгой дороги глаза у нее действительно слипались.

– Нет, ночью по лесу не пойдем, – Марун только усмехнулся в бороду и остановился. – Костер надобно разжечь, ночные твари все боятся огня.

– Я соберу хворост? – Любомира ответила с готовностью и сама тут же рассердилась на себя от своей покорности.

– Собери, – мужчина кивнул и улыбнулся шире. – Смотри только снова о приятеля своего не споткнись в сумерках.

Девушка недоуменно пожала плечами на его слова и принялась подбирать сухие ветки. Отойдя от Маруна на несколько десятков шагов, она наклонилась за очередной палкой и увидела, как из кустов за ней следят янтарные глаза-бусины.

– Ты откуда здесь взялся? – от удивления Любомира даже выпустила из рук собранный хворост.

Медвежонок, верно сочтя это за приветствие, выбрался из зарослей и принялся ластиться к девушке, вылизывая ее руки, словно собака.

– Ты, верно, голодный? – ведьмочка погладила звереныша по жесткой темной шерстке. Вздохнула, – Ладно, идем. Попробую уговорить Маруна дать тебе еды.

И, подобрав хворост, девушка вернулась к охотнику.

– Послушай, Марун...

Договорить он ей не дал:

– Нашла? – он спросил и недовольно фыркнул, показательно отвернувшись.

– Хворост? Да, вот, – девушка свалила топливо в кучку.

– Я не про хворост. Медведя своего, говорю, отыскала?

– Откуда ты... – Любомира опешила.

– Он так и шел за нами все это время. Сообразительный, видать. Ни разу на глаза в открытую не попался. Токмо я дикого зверя все одно чую. Тем более, медведя.

– А чем это медведи такие особенные? – к Любомире разом вернулись все ее подозрения, и она посмотрела на охотника, недоверчиво сузив глаза.

– Воняет от их шкуры, вот чем, – Марун недобро глянул на медвежонка, мнущегося у ног ведьмочки, но оружия больше не трогал.

– Он есть хочет. Я покормлю? – Любомира спросила и тут же снова разозлилась на себя. И чего это она вдруг такая покладистая с этим охотником стала? Слушается его во всем, разрешения спрашивает. Он ей не отец и не брат. И даже суженым так и не стал. Пока что...

Марун только рукой махнул и занялся костром.

Любомира скормила медвежонку весь припасенный в дорогу козий сыр. Малыш в один миг проглотил лакомство и теперь тщательно вылизывал пальцы ведьмочки, явно намекая, что хотел бы еще. Охотник только недовольно хмурился.

Наконец, он не выдержал:

– Сама-то что есть в дороге собираешься?

– У меня еще много чего с собой, а ем я помалу, – девушка беззаботно пожала плечами. – До завтрашнего полудня хватит.

– До завтрашнего полудня он у тебя еще раз пять еды потребует, – Марун усмехнулся. – Чем будешь его кормить, когда котомка опустеет?

– Так... ты же вроде как охотник, – Любомира, понимая, что в словах Маруна была правда, не хотела ее признавать. – Вот и подстрели нам дичь.

– А дичь тебе не жалко будет? Вдруг заяц или перепелка тоже окажется чьим-то дитём? Наверняка ведь окажется, по-другому в природе и не бывает. Все мы чьи-то дети, – добавил он и неодобрительно покачал головой.

Любомира не нашлась, что ответить, и только продолжала возиться с медвежьим малышом.

– Нужно дать ему имя, – наконец проговорила.

– Это еще зачем? – Марун аж брови выгнул от недоумения.

– У каждого должно быть имя, даже у медведя, – Любомира вздохнула. – Я буду звать его Беруня. Пока маленький.

– А когда вырастет? – охотник хмыкнул.

– Когда вырастет, будет жить у себя в лесу безымянным, – Любомира насупилась.

Марун недовольно поджал губы:

– Смотри, Любомира, привадишь медведя в деревню, поселковые тебе спасибо не скажут. Ладно, потом об этом. Сейчас ешь да спать ложись, а я покараулю. Утра вечера мудренее.

Вот опять он ее опекал, словно имел на то право. Девушка недовольно фыркнула, но все-таки легла. Глаза слипались, и сейчас она была благодарна Маруну за его заботу. Хотя она и вызывала у нее досаду и будила в груди непонятное трепетное чувство. Вроде приятно, но как-то неловко и даже почти обидно.

Сон мгновенно смежил веки, но спала Любомира тревожно. В голове метались мглистые образы. То Василина-наставница протягивала ей волшебное зеркальце со словами: «Используй его с умом». То Могута с надменным видом помахивал у нее перед лицом праздничным венком, собственноручно ею же сожженным в купальском костре: «Таким, как ты, венок не нужен». Любомира вертелась с боку на бок, в полусне бросая шальные взгляды на Маруна из-под полуопущенных ресниц. Охотник так и сидел у костра, неподвижный, а у ног его притулился Беруня.

Проснулась Любомира от тревожного толчка в грудь, словно бы изнутри. Она подскочила, испуганно озираясь и прислушиваясь к звукам ночного леса. Костерок потух, накрытый мешковиной, Марун сидел все также неподвижно, но была в его позе какая-то недобрая напряженность.

– Что слу... – Любомира хотела было спросить, но охот-

ник прервал ее на полуслове, приложив ладонь к своим губам.

Девушка осеклась и со всех глаз вгляделась в окружающую темноту. Зачем Марун затушил костер, коли лесные звери огня боятся? Видать, не зверей он опасался...

В темной чаще треснула ветка, и Любомира вздрогнула, задержав дыхание. Еще раз треснула, чуть в стороне, затем еще раз. По лесу шел кто-то не шибко проворный, ломая палки тяжелой поступью. И он явно был не один. Охотник уже сжимал в руке копьцо, вторая рука его скользнула за голенище сапога, да так там и осталась.

У Любомиры оружия с собой не было, да и не умела она им пользоваться. С запозданием вспомнила о чудо-гребешке, отгоняющем злых людей. С наивной верой в волшебство вытащила его из котомки и принялась расчесывать растрепавшуюся косу. Марун только ошалело покосился на нее, но ничего не сказал, видимо, окончательно уверившись в пустоголовости своей подопечной.

А пришельцы продолжали сжимать кольцо вокруг их стоянки. Почуввав близость недобрых чужаков, заворчал Беруня. Марун напрягся, ближайший к Любомире куст колыхнулся, и в тот же момент листву пронзило выпущенное охотником копье. Ведьмочка отпрянула – и вовремя. И кустов вышагнул грузный человек. Копье ударило его в плечо, проткнув насквозь. Он пошатнулся и, сверкнув белками глаз, кулем повалился наземь.

Любомира зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть ненароком. Впрочем, чужаки больше не прятались. Они гурьбой высыпали на прогалину, сразу заняв ее всю – человек шесть. Марун мгновенно оказался на ногах, прямо из-за голенища метнув нож в еще одного напавшего. Тот выронил топор, схватившись за перебитое запястье. Охотник рванул из-за пояса второй нож, прицелился, но в этот момент двое разбойников больно заломили руки Любомире, прикрывшись ею, и Маруну пришлось выбирать другую цель.

Беруня отчаянно заревел, видя, как мучают его благодетельницу. От этого рева, еще не опасного, но уже пугающего, разбойники на миг замешкались. И это спасло жизнь Маруну, в последний момент ушедшему из-под ударов двух занесенных над его головой топоров. Еще один нож нашел свою цель, и вооруженных головорезов стало еще на одного меньше.

– Решай его, хлопцы, пока он нас всех тут не перечикал, – прогнусавил здоровый лохматый мужик, выворачивавший руки Любомире.

– У него ножи кончились, – ухмыльнулся второй, – и девка его у нас, больше не рыпнется, – с этими словами он еще сильнее завел локти Любомиры ей за спину, и ведьмочка застонала от боли.

Медвежонок тут же отреагировал на этот звук очередным возмущенным ревом.

– Медведь, братцы! – завопил третий из оставшихся раз-

бойников.

– Сеголеток, мелюзга, – презрительно сплюнул лохматый.
– Ату его!

И замахнулся на Беруню тесаком.

– Замри и не шелохнись, коли жизнь дорога, – Марун процедил медленно и с такой угрозой в голосе, словно это не ему в спину были нацелены два топора.

– Чего ты там лопочешь? – презрительно процедил лохматый, не опуская колуна. – Решай его Валуи, чтоб не ерепенился.

Валуи, щуплый и оборванный разбойник, занес топор над головой Маруна, но вдруг как-то разом оказался в стороне от него, словно отброшенный неведомой силой. Марун повернулся к лохматому главарю, что держал руки Любомиры, и внутри у ведьмочки все оборвалось от того, какими глазами посмотрел на него Марун.

Это уже не были глаза человека.

В них ярились звериная злость и голод. Послышался рев, глубокий, нутряной, совсем не похожий на несмелое ворчание медвежонка. Плечи Маруна ссутулились и раздались в стороны, ладно скроенная куртка жалобно затрещала, расходясь по швам. И сквозь прорехи в одежде показались ключья бурого всклокоченного меха.

[*] *берендей*– колдун, способный оборачиваться в огромного бурого медведя, обладающего невероятной силой

Глава 5. Медвежье нутро

– Медведь! – отчаянно завизжал щуплый бандит, отброшенный Маруном в сторону. – Тикай, братцы! – и тут же юркнул в ближайшие кусты, только пятки в рваных сапогах сверкнули.

Его примеру тут же последовала остальные разбойники, побросав оружие. Одного из них, пробегающего мимо, Беруня умудрился тяпнуть за ногу, но тот даже не замедлился, с ругательствами и проклятиями ввалившись в заросли. В мгновение ока на поляне не осталось ни одного головореза, и только лишь лохматый главарь замешкался. Он не выпускал из рук Любомиры, пытаясь прикрываться ею от страшного зверя, словно бы из-под земли вдруг выросшего перед ним.

– Нечистый... берендей... окаянный... – лопотал лохматый, но от страха ноги его будто вросли в землю, и он не мог сделать ни шагу прочь.

А Марун приближался к нему. Марун ли? Любомира замерла в руках у разбойника, словно перепуганный зайчик, и с ужасом смотрела на огромное лохматое чудовище, грузно топающее в их сторону.

Медведь неторопливо переваливался с лапы на лапу, ему некуда было спешить. Он приоткрыл пасть, наклонил морду к земле, не отрывая от жертвы кровожадного взгляда.

– Прочь, пшел прочь! – разбойник, наконец, смог шевель-

нуться, вытащил из-за пояса нож и приставил его к горлу Любомиры, нечаянно полоснув ведьмочку острием по коже. Потекла кровь, девушка с трудом сглотнула от страха и боли – нежное девичье горлышко беззащитно дернулось под лезвием. – Пшел прочь, или я за себя не ручаюсь! – нож дрожал в руке обезумевшего от страха бандита, еще сильнее раня Любомиру.

От запаха свежей крови, текущей по шее Любомиры, Марун-медведь пришел в неистовство. Он огласил ночной лес громоподобным ревом, распугав из крон деревьев сонных птах. И поднялся на задние лапы, выпрямившись во весь рост, сровнявшись головой с верхушками молодых деревьев.

И снова заревел, да так громко, что от силы этого звука с ближайших кустов сорвало охапку сухих листьев.

– А-а-а! Окаянный! – в ужасе лохматый отшвырнул Любомиру в сторону и с отчаянием обреченного кинулся на медведя с ножом в руке. Кривое лезвие вошло в шкуру на животе животного по самую рукоять, но косолапый, казалось, вовсе не заметил этого. Он небрежно махнул когтистой лапой, и разбойник отлетел далеко в сторону. Неловко поднялся на четвереньки, зажимая одной рукой разодранный бок, попытался отползти от зверя прочь, но медведь в один прыжок оказался рядом, навис над ним... Еще мгновение, и Марун откусил бы разбойнику голову.

Едва опомнившись, Любомира бросилась к медведю, вцепилась тонкими пальчиками в грубую мохнатую шубу:

– Остановись, Марун! Не надо! Не бери греха!

Чудовищный зверь досадливо тряхнул шкурой, едва не сбросив с себя ведьмочку, но Любомира держалась крепко. Она принялась отчаянно гладить медведя, приговаривая:

– Не тронь его, Марун, не надо. Ты же не такой. Ты хороший, добрый. Мне сапожки подарил, Беруню пожалел.

И медведь ревел все тише, мотая тяжелой головой, словно пытаясь сбросить наваждение. И Любомира, чувствуя, что ее слова его за душу трогают, продолжала говорить:

– Не тронь его. Пусть катится колом. – Понимая, что этого мало, Любомира использовала последнее средство, – Что бы твоя Марьяна тебе сказала, а?

Услыхав эти слова, Марун коротко рыкнул и отпрянул от разбойника. Тот, не будь дурак, тут же подхватился и понесся прочь в чащу леса, только его и видели.

А медведь, недовольно ворча, повернул влажную морду к Любомире и двинулся на нее, едва не уронив наземь. От ведьмочки пахло свежей кровью...

Девушка непроизвольно попятилась, выставив перед собой руки для защиты:

– Марун, ты чего это? Это же я, Любомира...

В ноги девушки прикатился пушистый комочек. С отчаянной смелостью Беруня бросился защищать свою подругу даже от взрослого медведя. Совсем такого же, как тот, который убил его мать и брата... Медвежонок заревел, но Марун легким движением лапы просто отшвырнул его в кусты, где

тот принялся беспомощно барахтаться.

И снова Марун шагнул к Любомире, аж земля под его лапищами дрогнула. Ведьмочка судорожно всхлипнула, замерла, не смея дышать от страха. Теплый мокрый медвежий нос уткнулся ей в живот. Зверь принялся с шумом принюхиваться, мусоля девичье платье, того и гляди вцепится клыками в нежную плоть. Но медведь медлил, и Любомира, едва живая от ужаса, осмелилась и положила ладошки на широкий лоб чудища. Осторожно погладила жесткую шерсть. Закрыла глаза, каждый миг ожидая рвущей боли от медвежьих клыков, и представила, что под ее пальцами был не грубый звериный мех, а шелковистые русые волосы охотника. Ей же ведь всегда так хотелось коснуться его бородки. Вот, желание почти исполнилось. Почти...

И девушка запела – тихую песенку, которую напевала Василёчку, когда маленький братец не мог заснуть. О мягкой травушке, да ласковой реченьке, о румяных каравах, да парном молочке.

И медведь не тронул Любомиру.

Недовольно фыркнул, окончательно намочив ее платье, и отвернулся. И в тот же миг начался обратный оборот. Бурая медвежья шерсть клоками отваливалась с тела охотника, слышался его тихий болезненный стон. Ведьмочка не выдержала и закрыла глаза руками, чтобы не видеть этого.

А потом все стихло, и чуть погодя теплая рука охотника коснулась ладошек Любомиры, которыми она закрывала гла-

за. И она услышала его низкий глубокий голос:

– Спасибо тебе, Любомира.

Девушка решительно выдохнула и открыла глаза.

Марун резко повернулся к ней спиной. Мужчина был полностью обнажен. Литые мышцы играли под гладкой кожей – ни следа бурого медвежьего меха. Порванная одежда валялась в стороне. С кряхтением Марун подобрал ее и принялся натягивать дырявые штаны. А Любомира все не могла отвести взгляда от его ягодиц, тех, что пониже спины. И так ей захотелось их потрогать, даже пережитой страх отступил на второе место...

Почувствовав ее взгляд, Марун обернулся через плечо:

– Чего глядишь, словно сыч? Неужто решила должок свой возвернуть? Так, сейчас не вовремя будет...

Ведьмочка покраснела, смутилась и отвела глаза:

– Подлатать бы тебе одежду, вся в дырах...

– Не впервой, – мужчина наклонился за курткой, чуть покачнулся.

– Ой, у тебя кровь! – Любомира заметила, как по животу Маруна тонкой струйкой стекала кровь из раны, оставленной на медведе разбойником.

– Ерунда, царапина, – охотник только отмахнулся, накинув на плечи куртку. Вернее, те лоскуты, что от нее остались.

Любомира упрямо уперла руки в бока, проговорила строго:

– Это зверю ерунда, а у тебя кровь идет. Дай, поворожу!

И шагнула к мужчине. А он отступил от нее на шаг:

– У тебя тоже кровь, – указал на шею девушки.

Любомира тронула горло рукой – порез, оставленный лохматым разбойником, чуть кровоточил. Девушка недоуменно посмотрела на кровь на своих пальцах.

– Что ж ты, Любомира-травница, не боишься меня? – Марун смотрел на нее с прищуром, одной рукой придерживая порванные штаны, другой зажимая кровоточащую рану в боку. – Я ж ведь и вправду берендей-оборотник, угадала ты.

– Боюсь, – девушка ответила неуверенно.

На самом деле, страха она пока не испытывала, только удивление и довольство оттого, что оказалась права.

– Токмо раз ты меня не тронул, покуда зверем был, теперь уж точно не обидишь, – проговорила резонно.

И решительно направилась к потухшему костру. Кем бы ни оказался ее провожатый, но до утра было еще долго, а спать в сырости по утренней росе ей вовсе не хотелось.

– Огня нужно, – она заковырялась в котомке, отыскивая огниво. – Теперь-то эти головорезы к нам точно не сунутся.

Марун опустил на корточки напротив Любомиры, следя за ее дрожащими руками, пытавшимися высечь хоть одну искру:

– Как ты поняла, что меня нужно было остановить, Любомира? Кабы не ты... Не остановила бы ты меня, убил бы я того разбойника, так и остался бы навек в медвежьей шкуре.

– Сама не знаю. Нельзя убивать... – ведьмочка чувствовала, что с огнивом ей не сладить, и принялась шептать огневой наговор, сопровождая слова огненными знаками. Как учила ее Василина. Вот только с перепугу забыла она слова старой травницы, что огонь-то стихия своенравная, и от избытка чувств перестаралась. Пламя полыхнуло яростно, заставив ее отшатнуться от кострища.

Марун только лицо отвернул в сторону:

– Он чуть жизнь твою не отнял, Любомира.

– Понимаю, но... все равно нельзя. Можно же найти другой способ, поговорить, попросить...

– С такими, как эти оборванцы, разговор должен быть коротким, – Марун хмыкнул, поворошил дрова в костре, чтоб горели ровнее.

– Не от хорошей жизни они на нас напали, – ведьмочка принялась собирать брошенное головорезами оружие в кучу – кривые ножи да ржавые топоры.

– Ты еще пожалей их, – охотник с осуждением покачал головой.

– А вот, и пожалею, – Любомира вскинулась. – Мне вообще всех жалко. И разбойников этих, и медвежонка осиротевшего, и даже... тебя.

– Копьеца жалко, – Марун проворчал, сделав вид, что не услышал ее последних слов.

Теперь Любомира шарила по полянке в поисках оброненного гребешка. Вдохнула: вот и второй подарок Василины

оказался бесполезен, не уберег ее от злых людей.

Гребня она так и не нашла в темноте, зато отыскала Беруню. Медвежонок сидел под кустом, напуганный, но совершенно невредимый. Увидев свою благодетельницу, звереныш обиженно заревел, и ведьмочка подхватила его на руки. Подтащила к весело пляшущему костру и покосилась на охотника, сидевшего по другую сторону пламени. В отсветах огня его лицо казалось каким-то нездешним, словно у древнего духа, сбежавшего из самой Нави, чтобы провести ночь со своенравной человеческой невестой.

Марун скинул с плеч порванную куртку и теперь штопал ее, пытаясь хоть немного прихватить разошедшиеся швы. Любомира наблюдала за ним исподлобья. Наконец, не выдержала:

– Не мужицкое это дело, одежду штопать. Дай, я, – и решительно выхватила у него рукоделье.

Марун поморщился:

– Покуда бобылем живешь, всему учишься: и одежду себе штопать, и кашу стряпать...

Любомира принялась ловко орудовать длинной портняжной иглой – сколько ей пришлось чинить порток младшему братцу, она теперь, не глядя, могла любую дыру зашить. И уж коли Марун сам заговорил о своей одинокой доле, ведьмочка решилась-таки задать вопрос, который мучил ее с самой купальской ночи, когда она образ зверя в костре углядела:

– В деревне разное болтают, но и сам ты говорил, – она

медлила, понимая, что вопрос охотнику не понравится, – что супружницу твою медведь... того... Скажи, Марун, а тот медведь, это не...

– Это был не я! – охотник проревел с такой яростью, что на миг Любомире показалось, сейчас он снова обернется зверем. – Тогда я еще не был... таким чудищем.

От испуга уколов палец иглой, ведьмочка пробормотала себе под нос:

– Прости.

– Ничего, – остывая, Марун болезненно поморщился и приложил ладонь к боку. На руке осталось пятно свежей крови.

– Рана у тебя глубокая, – от глаз Любомиры не скрылась ни гримаса мужчины, ни его рука, перепачканная в крови. – Дай, все-таки посмотрю. Ну, какие у тебя теперь от меня могут быть тайны?

Отложив в сторону недошитую куртку, Любомира шагнула к охотнику, выжидательно зависнув над ним. Уперла руки в бока:

– Дай, говорю, посмотрю, – за показной суровостью ведьмочка прятала смущение и страх. Да, все-таки страшно ей было. Чай, не каждый день встречаешь в лесу оборотника.

Марун посмотрел на нее снизу вверх, исподлобья. Спросил снова:

– Не боишься?

– Боюсь, – Любомира нахмурилась. – Но что ж теперь,

помирать тебя бросать?

И опустилась перед мужчиной на колени.

– Так-то помирать я не собираюсь, – Марун усмехнулся, следя за руками Любомиры.

– Да, кто тебя знает, – ведьмочка распотрошила свою котомку и теперь привычными движениями готовила снадобья да перевязь. – Ложись, показывай, где болит.

– Болит – здесь, – Марун приложил руку к сердцу.

Любомира по наивности принялась было осматривать его грудь, но быстро сообразила, что охотник имел в виду другое.

– Я про рану вообще-то, – пробормотала себе под нос.

Мужчина откинулся на спину, давая девушке рассмотреть себя во всей красе. Между его ребер с левой стороны виднелся небольшой порез, из которого медленно сочилась кровь. И Любомира изо всех своих девичьих сил пыталась сосредоточиться на ране. А не разглядывать тело охотника. Обычно мужчин врачевала Василина, Любомира лишь помогала ей, и до сегодняшней ночи ни разу не видела нагого мужского тела так близко.

– Еще бы чуть-чуть, и в сердце, – ведьмочка скорбно нахмурилась.

– Ерунда, по ребру скользнул. У медведя шкура толстая, – видя, какое действие произвел на девушку вид его обнаженного стана, Марун чуть усмехнулся. – Нравлюсь, что ли?

– Ничего не нравишься, – покраснев до кончиков ушей,

Любомира обрабатывала рану припарками, едва касаясь кожи охотника кончиками пальцев и радуясь, что в темноте не видно ее румянца. — Что я, мужика, что ли не видала?

— А то будто бы видала? — Марун вопросительно вскинул брови. — Я-то думал, ты девица...

Любомира недовольно поджала губы:

— Тебе-то что? Ну, девица... — добавила чуть слышно. — Давай, ты еще меня в этом упрекни, мало мне Могуты да Стожары.

— Даже не собирался тебя в чем-то упрекать, — мужчина очень серьезно посмотрел в лицо Любомиры, лишь чуть морщась, когда ее движения оказывались неловкими. — Как по мне, это большая благодать, сохранить себя для суженого — одного-единственного.

От избытка эмоций ведьмочка затянула перевязь чуть туже, чем следовало, Марун даже крикнул от боли. Закусила губу и медленно ответила:

— Так ведь не может у меня быть одного-единственного...

— Как так? — охотник недоуменно нахмурился, тронул рукой перебинтованную рану. Повязка была наложена добротно.

— А вот так. Я же ведьма, нам верность хранить не положено. От этого ведьмовская сила чахнет, — Любомира покидала в котомку свои припарки и резко поднялась на ноги. — Вот, и не понятно, для кого себя берегла...

Марун попытался поймать ее за руку, но она увернулась.

– Не ведьма ты еще, учишься ведь только.

– Учусь, – девушка кивнула, – и учебу не брошу. Мы с братцем сироты, мне растить его надобно. Без умения никак.

– Найди себе другое умение, – охотник проговорил строго.

– Не хочу другое, – ведьмочка огрызнулась. – Тебе-то вообще, что до моего умения?

– А ничего, – Марун обиженно отвернулся.

Любомира зачем-то начала оправдываться:

– По зиме братец хворает, а мне даже дров наколоть некому, чтоб избу протопить. Я ведь каждый раз вспоминаю, как от хвори батюшка с матушкой померли... Страшно мне одной... А Василина всегда поможет, подскажет.

– А чего ко мне ни разу за помощью не пришла? – Марун покосился исподлобья. – Я б точно не отказал дров наколоть.

– Так про тебя такие байки в поселке ходят... не зря, как оказалось, – Любомира снова взялась за иголку.

Марун вздохнул:

– Байки ходят... Знаешь, мне тоже страшно одному бывает.

– Тебе? Страшно? – Любомира усмехнулась, затягивая очередной узелок. – Ты громадный медведь, хозяин леса – кого тебе бояться?

– Себя? – охотник проговорил полувопросительно и отвернулся. – Готова моя одежда? – тут же сменил тему.

– Почти, – ведьмочка зубами оторвала нитку. – Лови.

Портки только сам будешь зашивать.

Она кинула ему куртку, и охотник поспешно набросил ее на плечи:

– Спасибо. А теперь спать ложись, – проговорил строго. – Я буду портки чинить...

– Ты мне не брат, не отец, чего распоряжаешься? – ведьмочка недовольно поджала губки, но все-таки послушно вытянулась на лесной подстилке у костра. Беруня тут же оказался у нее под боком, и она с благодарностью обняла теплого медвежонка.

Марун продолжал, не обращая внимания на ее слова:

– Завтра по болоту пойдем – дорога трудная.

– Надеюсь, разбойников больше не будет, – Любомира пробормотала, уже засыпая.

– Лихих людей там нет, но можно кого пострашнее встретить.

– Лешего что ли? – ведьмочка приоткрыла один глаз.

– Бывает, что и лешего. Спи, давай.

Охотник лег напротив Любомиры. Между ними был костер, и последнее, что она заметила, были его блестящие в отсветах пламени светло-карие глаза, похожие на две капельки горячего меда.

Глава 6. Болотная хмарь. Часть 1

В путь тронулись, едва рассвело. Зябко ежась от утреннего тумана, ведьмочка еще раз оглядела полянку в поисках волшебного гребешка, но, так и не найдя его в высокой траве, со вздохом причесалась пятерней. Марун только смерил ее тяжелым взглядом и ничего на это не сказал.

Шли еще медленнее, чем накануне. Под ногами чавкала влажная грязь, в траве то и дело попадались лужицы. Новые кожаные сапожки Любомиры быстро промокли, и теперь хлюпали при каждом шаге. Невысп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.